

КРОКОДИЛ

О ХОРОШЕМ ТОНЕ И ПРИЛИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

К 556
14

КАЖДЫЙ СВОЕ

Рис. Л. Бродаты

— Вот здесь в кабинете мой папа вырабатывает нормы для шахтеров.
 — А вот там на шахте мой отец опрокидывает их.

Рис. Ю. Ганфа

— Неужели ты бросил свою жену совершенно одну?
 — Ну что ты—оставил с ребенком.

СЛОВО К ПОРЯДКУ

Недавно один мальчик, хорошо известный редакции, рассматривал старые фотографии отца. На одной из них отец был снят в просторном демисезоне из пестрого одеяла, полотняных ботинках, в шляпе, напоминающей маринованный груздь, и издревле небритый.

— Это ты, папа? — осторожно спросил мальчик.

— Я, — смущенно ответил отец.

— Папа, а что такое комбед?

— Это, дорогой, были такие комитеты бедноты... В деревне, — уже несколько настороженно начал отец.

— А что они делали?

— Да вот, понимаешь, боролись с кулаками, организовывали бедноту; соберутся, бывало, говорят о своих нуждах, о том, чего не хватает...

— Знаю, — зевнул мальчик, — старая история. Патефонов в сельпо не хватает, спортивного инвентаря не послали, джемпера слишком пестрые... Надоело.

Мальчик вырастет и из книг узнает, что он не совсем прав. И что не надо смущать отца за прежний демисезон из ватного одеяла и удивляться тому, как бывшей деревенской бедноте не хватало еще очень многого, кроме патефонных иголок.

Из книг мальчик узнает, что это — наше тяжелое прошлое, а жизнь его познакомит с нашим прекрасным настоящим.

«Жить стало лучше и будет еще прекраснее, жить стало весело и будет еще веселее», — так определили наши дни рабочие и работницы — стахановцы — в своем письме к Сталину.

И к этой веселой, радостной жизни надо подготовиться, как это говорится, всерьез и надолго. И не все еще, надо признаться, обучились великолепному искусству весело жить и весело работать.

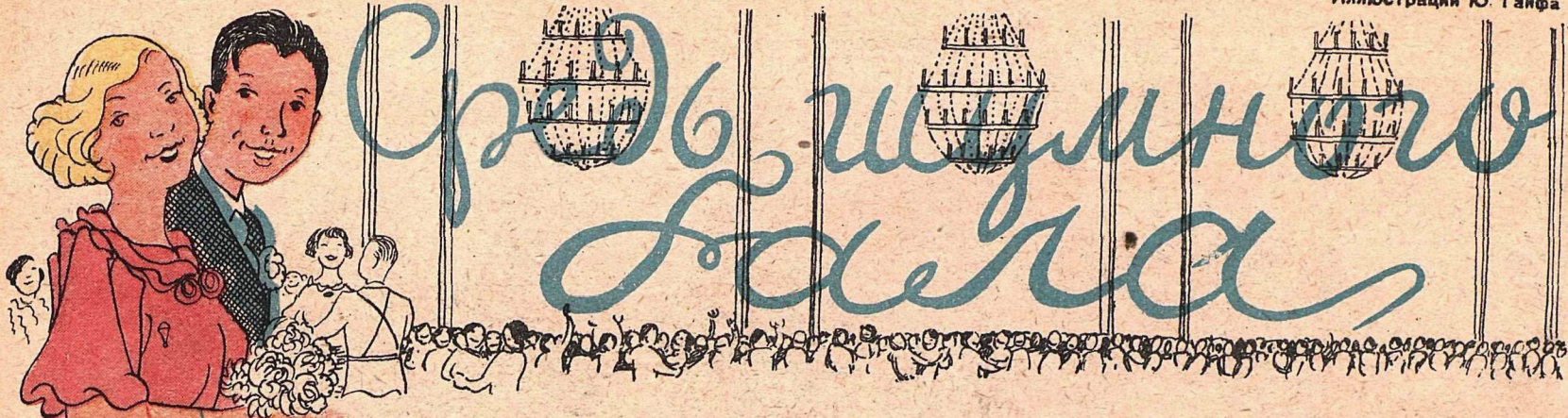
Пора хмурость человека с портфелем объявить простой невежливостью.

Но кое-кто думает, что сбросить замызганный пиджак и надеть новенький — это значит уже приобщиться к сегодняшнему дню. Изящных манер в театральном фойе маловато: нам нужна приветливость на работе, в учреждении, в общении с соседом за письменным столом или в цеху.

У нас должен быть свой хороший тон, говорящий не о том, как молодые люди должны вести себя на уроках западных танцев, а о том, как взрослые люди обязаны держать себя на работе и в быту.

И пусть не удивляется читатель, что мы назвали номер нашего журнала «О хорошем тоне и приличном обществе». У нас уже свои приличия. И они начинают господствовать. Этими приличиями мы гордимся. И когда тов. Ворошилов назвал стахановцев «людьми высокого класса», мы, готовящиеся к бесклассовому обществу, приветствуем появление этого нового класса и нового хорошего тона в нашей стране.

И мы, сатирики, у которых величие сегодняшних дней, казалось, должно было бы вырвать яд из пера и кисти, хотим сказать и свое слово к порядку: ударить по тем, кто не понимает, что новая жизнь требует нового поведения, в котором самое главное — радость, веселая улыбка и та спайка приветливостью, которая должна роднить всех, чувствующих внутренний, глубокий смысл новых дней!

Нет у нас еще могучего опыта в области балов. В этом надо признаться прямо. Мировые рекорды балльной техники нами пока не завоеваны. Ведь еще совсем недавно основным видом развлечения считалось у нас торжественное заседание с двухчасовой речью председателя месткома в центре программы. С трудом проглотив этакий гвоздь, люди на «художественную часть», состоящую из простуженной на многочисленных калтурках певицы и бравого куплетиста-рассказчика, почему-то не оставались, а раз'езжались поодиночке и группами по домам, где и веселились самостийно, занавесив окна и танцуя под патефон западные танцы.

Председатель же месткома, глубоко убежденный, что балы, маскарады, карнавалы и танцы—органическая привилегия мировой буржуазии, тоже уезжал восвояси и дома упоенно рассказывал зевающей жене:

— Знатно сегодня повеселились. После моей речушки выступило еще семь товарищей, не считая Ивана Петровича и двух членов ревизионной комиссии.

И вот—бал! Настоящий! Три оркестра музыки, из которых один военный! Капельмейстер с богатырскими усами! Цветы, нарядные девушки, ловкие кавалеры. Но какой-то он будет, этот бал? Будет ли весело? И как все же его описать?

Может быть, пойти путем классиков и, воспользовавшись юбилеем, тихо украсть у Льва Николаевича Толстого знаменитое описание первого бала Наташи Ростовской?

«Впереди и сзади их, так же тихо переговариваясь и так же в балльных платьях, ходили гости. Зеркала по лестнице отражали дам в белых, голубых, розовых платьях с бриллиантами и жемчугами на открытых руках и шеех».

По зрелому рассуждению мы откинули этот прием. Не годится он для первого стахановского советского бала. Не тот стиль. И Дуся Виноградова—не графиня Безухова и славный летчик Коккинаки, спланировавший на танцы прямо из стратосферы, — не князь Болконский.

Мы решили поэтому просто, честно, без затей и вранья описать и зарисовать то, что видели собственными глазами, и то, что делали собственными ногами на первом нашем балу.

А видели мы настоящее искреннее веселье молодых здоровых людей. Все было просто и естественно на этом замечательном балу токарей и летчиков, парашютистов и пекарей, шахтеров метро и железнодорожных смазчиков.

Просто и радостно в начале бала объявила Дуся Виноградова после конференса секретаря московского комсомола товарища Лукьянова, что отныне она, Дуся, будет работать на двухсот восьми станках, два раза перекрывая ею же поставленный мировой рекорд.

Радостно, с каким-то особенным мастерством выступали артисты, из которых нам больше всего пришелся по душе Асаф Месерер, игравший на сцене в футбол воображаемым мячом так, что испытанные болельщики сдерживались из последних сил, чтобы не закричать:

— Бей по голу, Асаф! По голу бей! Не тяни!

Вместе со всем залом мы бешено аплодировали пионерам, которые играли на всевозможных музыкальных инструментах, свистели алябьевскими соловьями, танцевали и били в барабаны. Мастера самодеятельного искусства—джазисты, чечеточники и звукоподражатели—тоже были на высоте и поправились нам не меньше чем пионеры.

Однако, не скрою, мы с нетерпением ждали танцев. Ведь бал — это все-таки в основном танцы.

И вот начались танцы.

Еще в антракте, гуляя по фойе, мы услышали такую реплику:

— Сегодня здесь собрались злые танцоры. Будет дело!.. Эту многообещающую фразу произнес чернобровый парнишечка в модном костюме, похожий на маленького расторопного жука. Как потом выяснилось, это был знаменитый столичный пекарь-стахановец.

Когда начались танцы, оказалось, что пекарь и есть самый злой танцор из всего зала. Танцевал он замечательно, такие кренделя выделывал ногами, с таким увлечением носился по всему залу, что нам сразу стали ясны корни его производственного темперамента. Такой танцор не может не быть стахановцем.

Фокстрот сменялся тонным танго, танго—блюзом. Пекарь танцевал все подряд, не пропуская ни одного танца и с одинаковым мастерством, будто выпекал знаменитые свои баранки. Как кавалер он шел нарасхват. Лучшие девушки Колонного зала добивались чести быть приглашенными пекарем на танго, тем более что танцующих девушек было значительно больше, чем танцующих молодых людей.

Гремели оркестры. Капельмейстер с богатырскими усами работал превосходно. Хорошо одетые люди ритмично кружились по залу, украшенному цветами, зеленью и портретами вождей. Редактора почтенных и уважаемых изданий сталкивались «в вихре вальса» со своими сотрудниками. Герой Советского союза летчик-челюскинец Доронин скользил по паркету, словно по льдине, с легкостью, поразительной для его монументальной фигуры. Секретарь ЦК комсомола тов. А. Косарев с отечески одобрителем выражением ходил по залу, но почему-то не танцевал. Почему, Александр Васильевич?

Танцы сменялись новыми выступлениями артистов. Цветное конфетти и ленты серпантина реяли в горячем воздухе. Бал пенился и сверкал.

Первый стахановский бал отлично удался. Скоро такие балы, наверное, станут у нас традицией. Их будут устраивать коллективно: металлисты и железнодорожники, пекари и летчики, художники и журналисты. Только на первых порах нужно будет присмотреть, чтобы иные резвые устроители балов не вносили в это простое и хорошее дело излишнего ажиотажа и нервной организационной суеты. А то начнем читать в газетах такие извещения:

«Организуем бал на тысячу персон и пять оркестров музыки и вызываем на соревнование...»

«Даем обязательство «давать три бала ежегодно» и вызываем последовать нашему стахановскому примеру...»

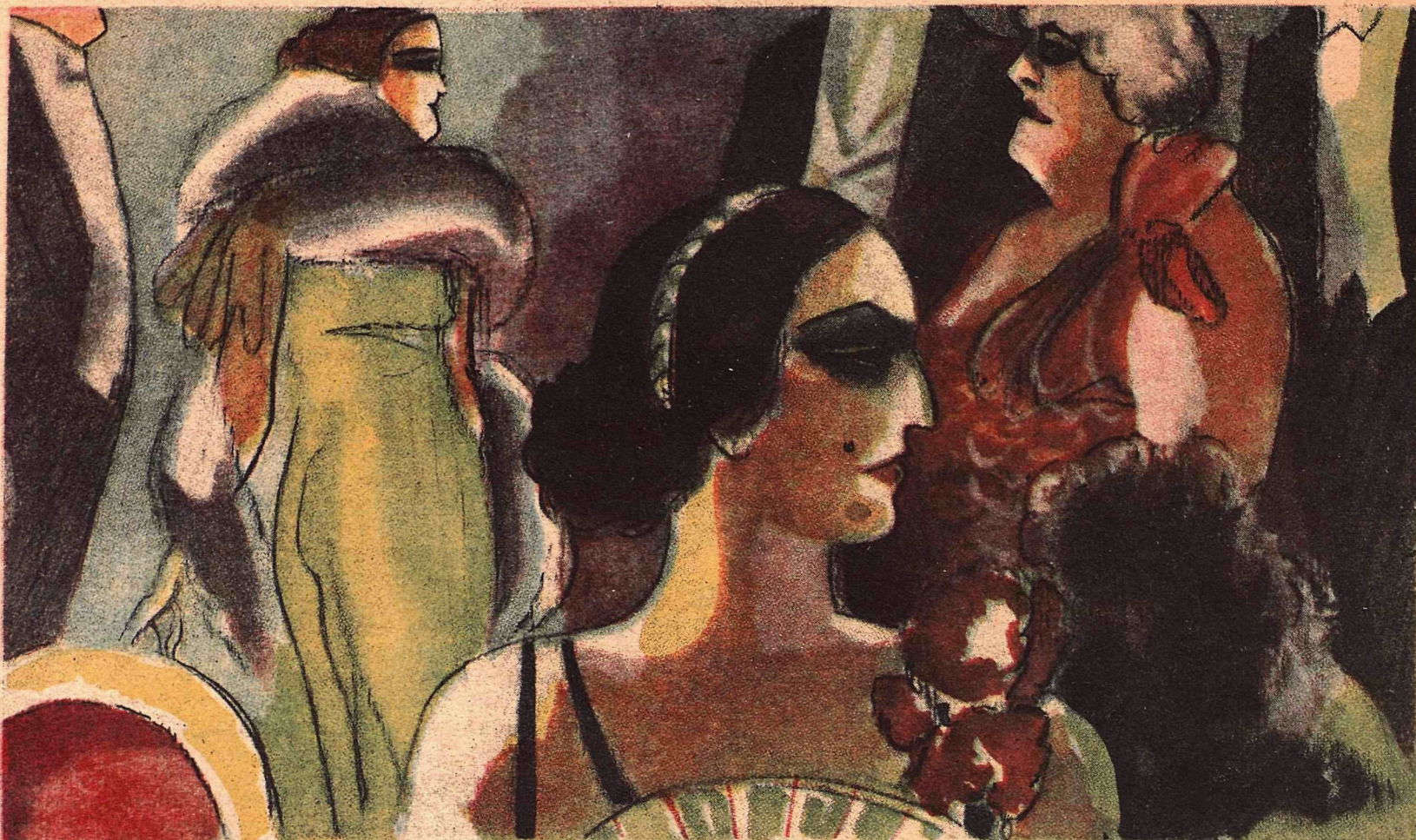
Обойдемся без такой суеты. Будем веселиться и танцевать просто и хорошо, как московские стахановцы.

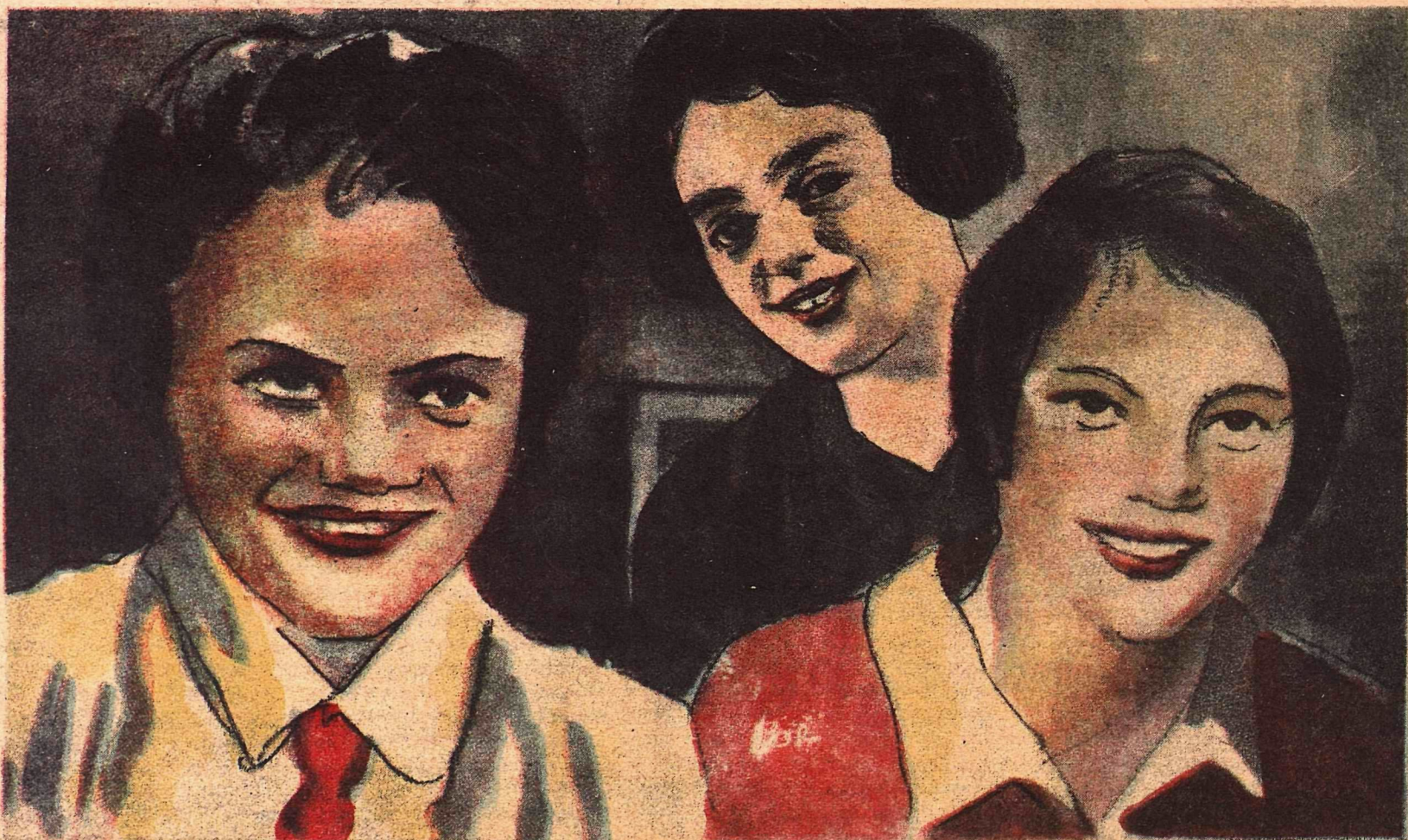
В ЗНАТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Рис. Л. Бродаты

(ДВЕ ГАЗЕТНЫХ ВЫДЕРЖКИ)

Из европейской газеты: „На рауте у министра вероисповеданий внимание публики привлекали: герцогиня Дингтон (наследница маркиза Пегрю), графиня Мичэн (собсий палантин — 142.000 франков), мадемуазель Сибо (дочь короля зубочисток)...“

Из советской: „На балу в Колонном зале Дома союзов внимание публики привлекали: Мария Демченко (523 центнера свеклы с гектара), Нина Камнева (затяжной прыжок с высоты 3000 метров), Мария Виноградова (144 станка в одну смену) и др...“

Если говорить о вежливости, то гостеприимство тоже не последний вопрос в области хорошего тона.

И хотя я от гостеприимства однажды пострадал, тем не менее я не без радости включаюсь в кампанию, которая ставит своей целью борьбу за вежливое и любезное отношение к людям и в частности к гостям.

Собственно, нельзя сказать, что я очень пострадал, но все-таки я пережил, прямо скажу, несколько весьма досадных минут.

Вот как это было.

В прошлом году, осенью, я был в одной деревне. Я туда ездил по делу. В сельсовет.

Сразу в один день я не управился. И мне пришлось там заночевать.

И вот я остановился у одного крестьянина. Он одиночник.

Он меня очень любезно принял. И хотя было поздно, но он все же раскинул приличный ужин. И даже угостил домашним пивом.

Но когда дело зашло, где мне лечь на ночевку, хозяин проявил некоторое замешательство.

Он говорит своей супруге:

— А где же мы, Маруся, положим нашего дорогого гостя?

Я говорю:

— Да вы не тревожьтесь. Я на лавке прилягу.

— Ну нет, — говорит он, — как, гостю на лавке. Я вам не позволю лечь. Конечно, мы с супругой не привыкли отдавать свою постель посторонним... Но вы не сомневайтесь, мы вас куда-нибудь положим соответствующим образом.

И он оглянул свою избу.

Керосиновая лампочка тускло освещала небольшое помещение. За ситцевой занавеской стояла пыльная хозяйская постель. На русской печке лежал старик. А за печкой, в углу, стояло какое-то подобие кровати. И там, оказывается, спала мамаша хозяйки.

Я снова говорю:

— Я лягу на лавке. Не беспокойтесь.

— На лавке дюже неудобно, — любезно отвечает хозяин, — узко и малоинтересно спать. А мы вас, уважаемый, положим в более приличной позе — на кровати.

И он показал на старухину постель.

Он сказал:

— Тут, представьте себе, пока что спит мамаша моей супруги. Но мы ее оттуда съедем. Мы пришли к решению положить вас туда. Поскольку мы имеем законное уважение к гостям.

Жена хозяина говорит:

— Моя мамаша завсегда страдает бессонницей. Так что ей это как бы ничего.

— Это ей не будет лишнее, — добавил хозяин. — Она у нас в другой раз целную ночь ходит по помещению, и сон ее ничем не берет. С чего бы это, уважаемый, вы не знаете?

Я говорю:

— Наверно, она у вас бессонницей страдает. Хотя по виду нельзя сказать — ишь как она заворачивает. Вы ее не троньте.

Но гостеприимный хозяин уже начал окликать и шевелить старуху.

— Встаньте, мама, — сказал он, — мы тут до вашей кровати пассажира имеем.

Он сильно тряс старуху за плечо, но та мычала в ответ и не просыпалась.

Я снова стал упрашивать не будить ее.

Хозяин сердито сказал:

— В другой раз всю ночь не берется спать, а как надо, так ее багром с кровати не съемишь. Какая удивительная старуха! Сама не понимает, что ей надо.

Престарелый папаша хозяина, свесившись с печки, тоже энергично вмешался в дело.

Он стал свистеть, говоря, что старуха не любит, когда свистят, и что под свист она всегда поднимается.

Однако на этот раз свист ее тоже не брал.

Тогда хозяин, набрав в рот воды, неожиданно опрыскал спящую старуху. И та, как ошалелая вскочив с постели, принялась зевать и креститься.

Хозяин сказал:

— Дюже крепко на этот раз спали, мамаша.

— Маленько, кажется, вздремнула, — заметила старуха.

Несмотря на мои просьбы и даже мольбу, хозяин все же настоял на том, чтобы я лег на освободившуюся постель.

Старуха добродушно сказала:

— Да ты, батюшка, ложись. Не стесняйся! Я не привыкла много спать. Я бессонницей хвораю.

Тогда я лег на ее постель и, страшно утомленный, сразу заснул.

И вот — утро. Яркое солнце освещает избу. Я просыпаюсь. Потягиваюсь. И вдруг прямо с ужасом смотрю на мою постель. Нет, просто трудно описать, на чем я лежал. Можно сказать, что я лежал среди праха. Какие-то желтые грязные тряпки были подо мной. самого ужасного вида серая запятнанная подушка нежно покоилась около моей щеки. Грязная лошадиная попона заменила одеяло.

Яркое солнце освещало теперь весь этот жалкий прах. И это было так непривлекательно, что я как мячик вскочил с постели на пол.

Все в избе еще спали.

И на лавке, у окна, храпела страдавшая бессонницей владелица моей постели.

Я вышел в сени и вымылся.

Потом посидел на крыльце.

«Как странно, — подумал я, — хозяин зажиточный. Кругом у него как будто полное довольство. И вдруг такая адская постель. Конечно, старуха, наверно, так сказать, неполноценный и невыгодный член семьи, но все же это уж слишком! Чорт меня дернул воспользоваться этим гостеприимством!»

И вот я снова вошел в избу. Все уже встали. И только старуха дремала на лавке.

В избе как угорелые носились трое ребятишек. Это были хозяйские дети. Интересно, где они спали?

Оказывается, двое спали на хозяйской постели, в ногах. А третий, постарше, спал под кроватью на перине.

За чаем я спросил хозяина, почему он одиночник, а не в колхозе — там новый быт, новая жизнь и там сейчас небезвыгодно.

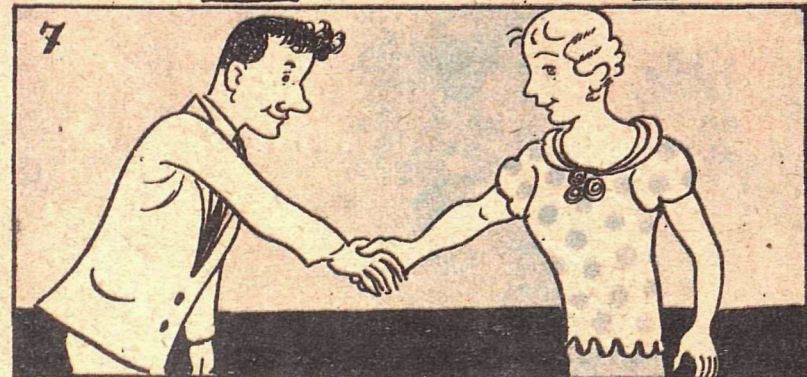
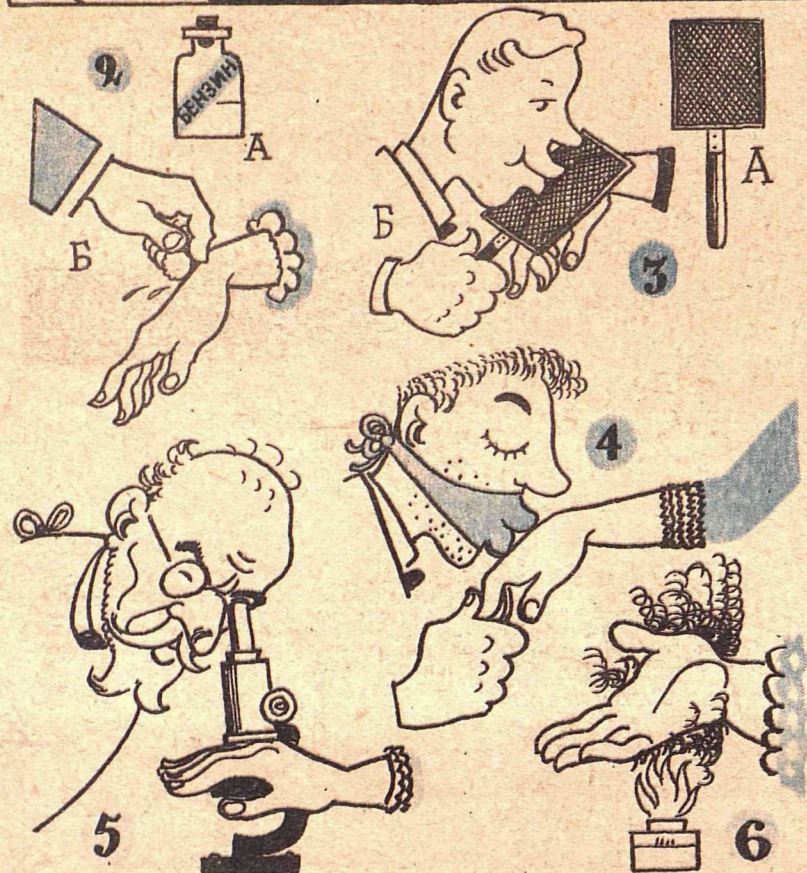
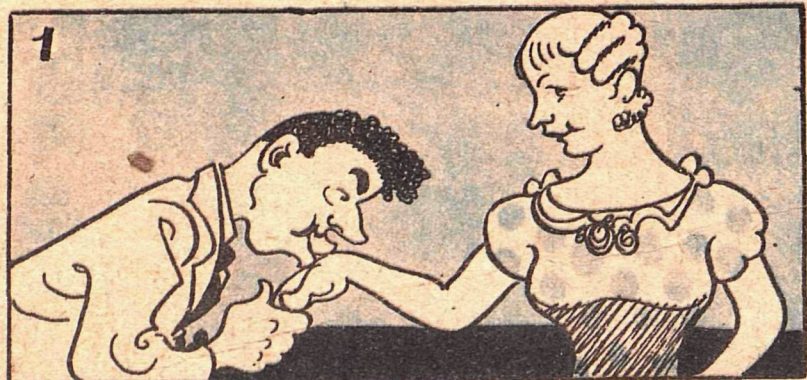
Хозяин ответил:

— Еще поспеется. Запишусь. Над нами не каплет.

МИХ. ЗОЦЕНКО

ПОЦЕЛУЙНАЯ ПРОБЛЕМА ЭЛЕГАНТНАЯ ЖЕНЩИНА

Рис. Ю. Ганфа

Как надо здороваться со знакомыми женского пола? Вот острая проблема хорошего тона, которая волнует не одну мятушуюся душу. Некоторые запальчиво и резко настаивают: „Надо целовать руку“. Некоторые, наоборот, задумчиво возражают: „Не стоит“. Руку, дескать, сразу не поймешь: может она грязная. Может, на ней мелкие прилипчивые болезни: какой-нибудь насморк, аппендицит или малокровие. Учитывая эти недомолвки и колебания, мы предлагаем ряд обезвреживающих и недорогих процессов при целовании рук.

1. Поцелуй простой, не обезвреженный. Помещаем его так себе, для наглядности. В порядке наглядной техники.
 2. Мытье на ходу руки бензином для очистки от посторонних тел и элементов.
 3. Жгучий поцелуй через сетку, с намеком на разлуку или продолжение знакомства. Сетку мыть в кипятке.
 4. Особый нагубник, необходимый при уплотнении поцелуйного дня. Почти сохраняет губы и легок в носке.
 5. Рассматривание руки через микроскоп на предмет возможных бактерий и так.
 6. Обжигание женской руки как профилактика и светское развлечение.
- И, наконец, седьмой способ здороваться с женщиной, каковой и реконструируем как уже имеющий историческую давность и самый умный,—дружеское пожатие руки.

По Петровке спустилась элегантная женщина: синий костюм от частного портного, голубой пестец, модная шляпка на золотистой головке. Лакированные туфельки подчеркивали красоту маленькой ножки. Рядом с ней шел не менее хорошо одетый мужчина.

Тот дошли они до Театральной площади. Переходя трамвайную линию, женщина наступила туфлей на рельсы, и тонкий каблук провалился в выемку около стрелки. Спутник быстро подхватил ее под руку:

— Что с вами, Мария Львовна?
— Николай Сергеевич, помогите, я не могу вытащить ногу.
Тот быстро нагнулся и, задерживая руку на пойманной ноге, старался сдвинуть туфлю. Ничего не помогало.

Подшел трамвай и остановился недалеко, захлебываясь звонком. Вожатый вагона сошел на мостовую и подошел к Марье Львовне.

— Вы бы, гражданка, сняли туфлю, тогда легче будет.
— Нет, нет... Надо так попробовать...— сказала она, густо покраснев.

Со всех сторон набежали любопытные. Галдели. Давали советы. Подошел милиционер в белых перчатках.

Гражданка, — сделал он под козырек, — вы задерживаете движение и скопидуете публику. Снимайте туфлю.

— Я не могу... не могу...— пролепетала элегантная женщина. Она сделала усилие, чтобы освободить ногу. Все было напрасно.

Милиционер нагнулся и руками в чистых белых перчатках стал расстегивать пуговицу туфли.

Марья Львовна вскрикнула:
— Товарищ милиционер, не надо!
Пуговица расстегнута.

— Во-о, вытаскивайте ногу, сейчас и туфлю вытащим!
Марья Львовна вытаскила ногу из «лакированной мечты» и все замолкла: во всю ямку новенького чулка зияла дыра, грязный большой палец ноги беспомощно вылезал из другой дырки. Но всего грязнее была пятка — грязная, черная, с наросшей дикой кожей.

Марья Львовна закрыла лицо руками. Милиционер с бесстрастным лицом вытащил ее каблук, разогнал молчаливую толпу и плавным жестом пустил трамвай в ход.

— Дамочка, может вам одолжить сорок копеечек на баню? — вскрикнул кто-то.

Еле сдерживая накапливающиеся слезы, Марья Львовна быстро надела туфлю и рванулась мимо толпы. Николай Сергеевич нагнал ее.

— Извините, Марья Львовна, я вспомнил: у меня сейчас срочное заседание. И вечером не ждите, к сожалению, я все ближайшие дни занят буду по горло.

Марья Львовна тоскливо вздохнула, попудрила носик и зашла в ближайшую парикмахерскую завиваться.

ЕЛЕНА СЕНКЕВИЧ

БЛАГОТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ

Вовка лежал на животе, приложившись щекой к полу, и палкой шарил под диваном.

— К месту класть надо,—наставительно сказала бабка.—Куда положила, там и найдешь.

— Найдешь у вас!—поднимаясь на четвереньки, плаксиво заорал Вовка.—Небось, сама мою арифметику забросила, чорт конопатый.

— Нехорошо, Вовочка, такими словами в комнате выражаться,—укоризненно сказала старушка.—Чему вас только в школе учат? Вошла мать Вовки с корзиной, полной покупок.

— То взять надо, другое,—говорила она, вынимая из корзины хлеб, масло, яйца,—прямо времени не хватает.

— Не хватает у вас,—прогнусавил Вовка.—Прошлялась все утро, а ребенок должен не жрать в школу идти.—И, записывая за щеку жирно намазанный бутерброд, добавил:—Трепло настоящее!

— Вот покажу я тебе трепло,—рассердилась мать.—Обязательно схожу в школу, спрошу, чему они вас там учат. Не иначе, как ихнее благотворное влияние!

Придя в школу, Вовка остановился перед расписанием.

— Здравствуйте! Вместо арифметики—переменили—экскурсия! Ах, гниды, зачем же и книжки-то приволок!

— Сидоров!—Вовка обернулся. За спиной стоял учитель.—Что это у тебя за выражения? Вот придет твоя мать...

Мать пришла и сразу налетела на учителя:
— Мой ребенок на глазах портится... Это влияние школы...

— Позвольте,—сказал учитель,—и сам хотел вам сказать...

— Не позволяю,—замахала руками Сидорова.—Сама все вижу, все понимаю. Слава богу, не маленькая... Безобразия!..

Вечером собрались за обеденным столом. Обедать не начинали. Ждали мать. Она пришла и, торопливо снимая перчатки, об'яснила:
— В школе задержалась... А потом с этими трамваями...

— Не выкручивайся,—шумно двинул стулом отец.—Вечно тебя где-то нелегкая носит. Трепло!

— Сам хорош!—закричала мать.—Денег-то, небось, не принес? Мне завтра пальто из мастерской брать. С чем пойду, чорт конопатый?!—голос оборвался на высокой ноте, и она, схватив со стола стакан, темпераментно хлопнула им об пол.

— Гнида! Гадина!—заверещала бабка, кидаясь к месту происшествия.—Мой гадан! Довоенный! Свои заведи, тогда и хлопай. Лахудра!

Вовка, с аппетитом глодавший куриную ножку, положил ее на тарелку и внимательно посмотрел на бабку...

Лицо его стало сосредоточенным, как у человека, с трудом осваивающего впервые услышанное.

Он пронанес шопотом, растягивая по слогам:
— Ла-ху-дра!—и радостно улыбнулся.
Запас слов в вовкином словаре явно обогащался.

В. КАРДОВСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ВИДА

Рис. Ю. Ганфа

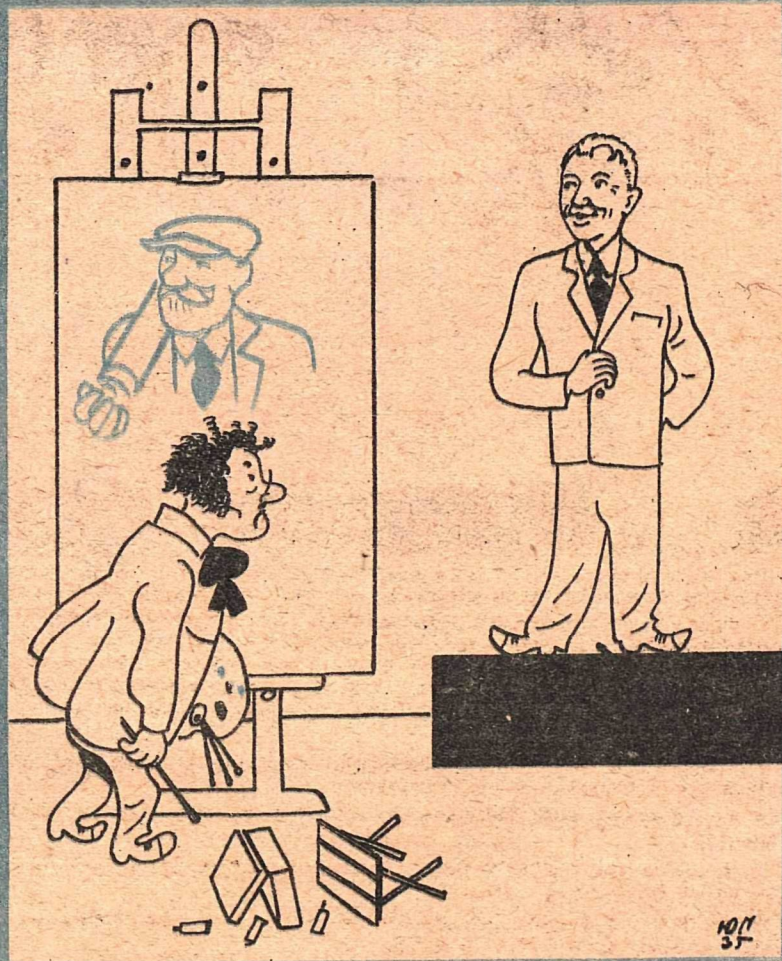
— Нет, нет и нет! — пламенно сказал художник Затворов шахтеру Кускову. — Вы слишком типичный ударник шахт, чтобы вас не зарисовать! У вас такие типичные усы для каменноугольной промышленности! В вашем внешнем облике что-то от черной металлургии... Я вас рисую!

Через декаду состоялся второй сеанс.
— Простите, — несколько встревоженно сказал художник, — мне кажется, что в прошлый раз у вас было несколько иной вид...
— Да так, знаете, — заметил шахтер Кусков, — поделся немножко. Кое-что вырубил лишнее, кое-что получил лишнее... При таких обстоятельствах долго ли и до другого вида...

На третьем сеансе художник Затворов недоумевающе спросил:
— А где ваш родственник? Которого я начал рисовать?
— Это я же, — успокоил его шахтер Кусков. — Честное слово, я.
— Странно, — вздохнул художник, — а костюм? А где каменноугольная внешность? А чернометаллургический вид?
— Стахановец, — коротко ответил шахтер. — Вырубка. Десять норм. Получка. Понятно?

На четвертом сеансе художник Затворов даже не обиделся. Он просто попросил:
— Можно вас сфотографировать?
— Пожалуйста, — ответил стахановец, — разве не хотите рисовать дальше?
— Да нет, — грустно заметил художник, — разве за вами с кистью угоняться?
И художник был почти прав. Это был редкий случай, когда фотография могла соперничать с живописью.

ХОРОШИЙ ТОН

ИЛИ ИСКУССТВО ВЕСТИ СЕБЯ В ЗАКРЫТОМ
ПОМЕЩЕНИИ И НА УЛИЦЕ

СОСТАВЛЕНО ПО НАБЛЮДЕНИЯМ И ЖАЛОБАМ

СОСТАВИТЕЛИ:

АРК. БУХОВ. Как вести себя на дискуссиях. В кино. В обществе и свете. На улице. В музеях. Перед комиссиями. В бане и предбаннике.

ВИКТ. АРДОВ. Как произносить застольные речи. Словарь пошляка.

Иллюстрировал Ю. ГАНФ

В МУЗЕЯХ И НА ВЫСТАВКАХ

Всего труднее и ответственнее поведение неопытного человека в музеях и на выставках картин.

Вот вы вошли по пригласительному билету или так. Со всех сторон на вас буйно напирает изобразительное искусство в рамах и на подставках.

Вот перед вами шедевр гения классической живописи: два голубоватых ангела коллективно нюхают воздух, вывернувшись из-под примятого облака. Вот картина баяна русско-славянской кисти прошлого столетия: царь Алексей Михайлович кушает ершей. Вот, наконец, современное полотно: творчески раскрашенная групповая фотография членов правления жакта, носящая название «В огне коммунальных услуг».

На чем остановить свой взгляд? О чем вслух высказать свое мнение?

Надо прямо сказать, что шумное и запальчивое высказывание мнений о произведениях изобразительного искусства — признак дурного тона. Только очень плохо воспитанные люди могут позволить себе перед картиной гения восторженно заметить:

— Типичные ангелы. Как живые. Должно быть, с натуры старик писал. А может, по рассказам очевидцев. Очень метко схвачены!

Перед царем с ершами они громко изумляются:

— Блестящая техника! Мелкая рыбешка, а каждая отдельно. И без вилки жрет. Нормальная бытовая картина прогнившего самодержавия.

А перед современным полотном их мнения становятся еще шумнее и категоричнее, приводя в беспокойство остальных посетителей:

— Бесподобно! Вы только посмотрите, как раскрашена жилетка у бухгалтера домоуправления! А бидон в углу! Что только не может сделать мастер кисти из простой моментальной фотографии на глянцевитой бумаге!

Все это, повторяем, признак дурного тона. Воспитанный человек не восхищается, как пьяный перед ветчиной. Воспитанный человек должен высказывать свое мнение о шедеврах изобразительного искусства тихо и до некоторой степени загадочно. И, главное, не без примеси той тонкой критики, которая сразу вызывает к нему уважение.

Например:

— В ангелах ясно чувствуется эпоха нарастания феодализма. Ничего лишнего плюс растерянность линий и короткие ноги. Только с Людовика XV у ангелов на картинах появляются мускулы и усы. Буржуазия требовала здоровых ангелов.

По поводу Алексея Михайловича и ершей:

— В семнадцатом веке ершей не было. Ерши были открыты одним нормандским ученым значительно позже. Цари ели вязигу и ватрушки. Типичное искривление исторических перспектив.

Перед полотном «В огне коммунальных услуг»:

— Маловато динамики. В картине того же художника «Опилки звенят» группа администрации лесопильного завода, сидящая на фоне фабзавкома, несравненно естественнее. Повидимому, там зарисовка была сделана без выдержки и магии. Художник растет.

Будьте уверены, что после целого ряда таких продуманных сентенций за вами сразу установится звание знатока и ценителя изобразительных искусств.

В темноте кинематографического зала легче всего и пышнее проявляются необузданные страсти невоспитанного человека.

Быть может, при свете его не так волновало бы, что ему в восьмой раз показывают один и тот же сюжет под разными названиями. Но в темноте он нервничает. И даже кричит, что Нелли из «Железного парня» — это Клава из «Стальной девушки». Ваську он уже видел в четырех немых и четырех звуковых вариантах, а кулак Ипатьич преследует его уже в девятой картине все в тех же портанках и с той же царapiной около левого уха.

Этому кинозрителю почему-то не нравятся надписи. Вдумчивый сценарист, в тиши своей творческой лаборатории создавая игру положений, пишет:

«Бегут колеса. Двести метров колес. Затемнение. Надпись: «А в это время Санька полюбил Зинаиду Робертовну, которая ему изменила с биологом С. и через полтора года умерла». Снова бегут колеса. Четыреста метров. Крупным планом: насос и ветчина. Надпись: «Санька возмужал, окреп, его уже зовут

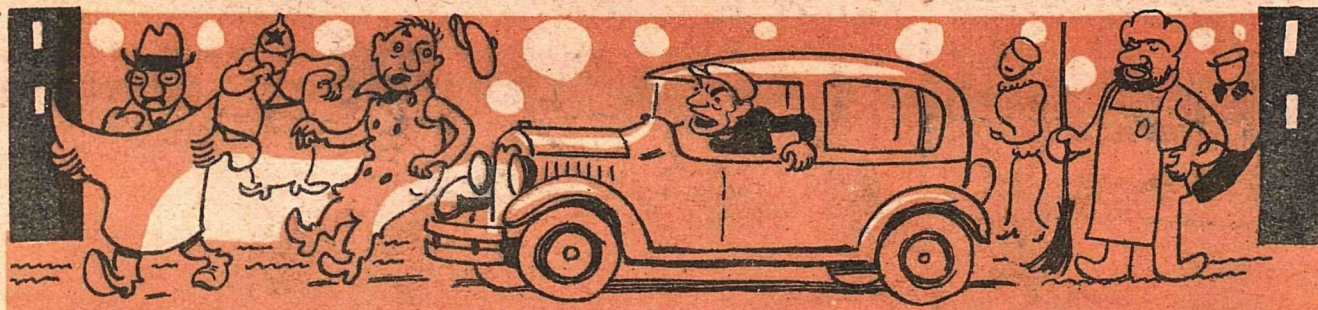
Николай Петровичем, и он астроном». Крупным планом: куст ежевики, мемуары Распутина в издании «Академии» и большая лопата. Бегут колеса. Шестьсот сорок метров».

Воспитанный человек перенес бы такую трактовку сюжета хотя бы из уважения к кинопромышленности и соседям. Невоспитанный человек читает надписи вслух и сердито рычит:

— «Молодость Кигги взяла свое...» Сейчас, значит, парходная груба будет... Свисток и пар. «В роце прозвучал поцелуй». Безусловно, опять колеса покажут и булку крупным планом... Или собаку на дереве.

Воспитанный человек никогда не позволит себе пробираться по чужим ногам к выходу после третьей части боевика «Наяри-вай», чтобы досмотреть тот же самый сюжет в другом кино, в картине «Катя и бездна». Воспитанный человек досмотрит все до конца без протеста и размашистых движений. Он не сердится на издревле знакомые сюжеты. Он помнит римскую пословицу: «Повторение — мать мучения». И в этом сила его воспитанности.

НА УЛИЦЕ

Легче всего вести себя на улице, где способ поведения почти целиком исчерпывается правилами уличного движения.

Воспитанному, занятому общественно-полезной работой человеку некогда попадать под какую-либо разновидность городского транспорта или под случайную подводу. Он корректно и неторопясь переходит улицу, платит штраф и узнает, что со вчерашнего дня переходить надо в другом месте, а с завтрашнего — в третьем. Невоспитанный человек переходит улицу грубо и бестактно. Он бессистемно ныряет под колесами, сталкивается с задумчивой извозчицкой лошадей и, уже благополучно миновав опасное место, попадает под велосипедиста, который пешком ведет свою изящную машину с номером и без педалей, оставшихся на фабрике.

Воспитанный человек не толкается на улице. Он даже не любит, когда его толкают, находя, что жизнь прекрасна и без этого. Невоспитанный человек любит толкнуть ближнего своего. Он полагает, что в нашу ответственную эпоху нетолкание является признаком гражданской слабости и непонимания задач дня.

— Езди в такси, если не нравится! — говорит он продавцу яблоков, столкнув его с тротуара. — Здесь тебе не Париж! Нежности разводить нечего!

Если вокруг такого человека, только что опрокинувшего на тротуар двух школьников и одну старуху, соберется возмущенная толпа, он начинает кричать, что восемнадцать лет назад он кого-то рубал и сталкивал баронов в море и теперь не желает придерживаться привычек гетто буржуазии. Несколько

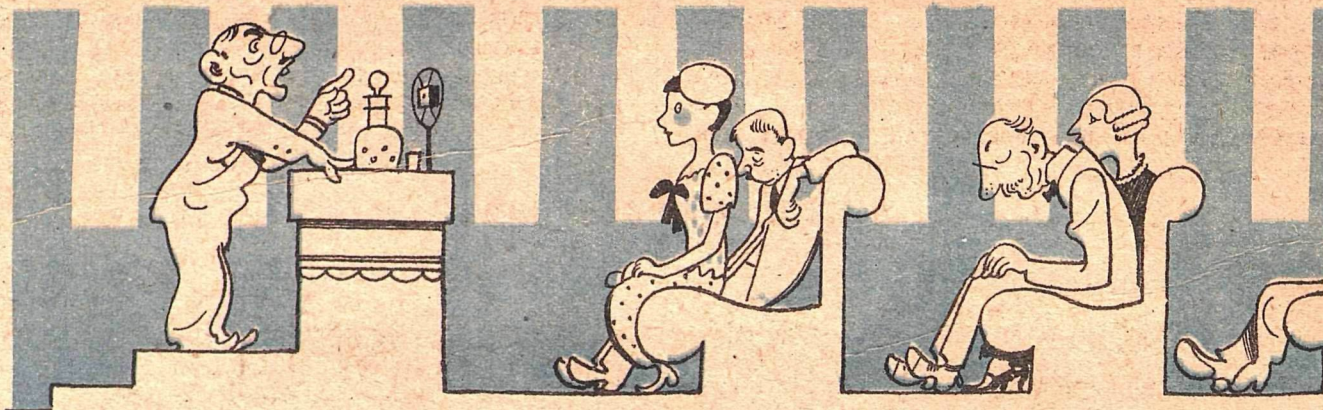
позже, в районе милиции, выясняется, что восемнадцать лет назад он рубал только телячьи кости на Сухаревой, будучи компаньоном мясника, а что касается баронов, то у них он скупал старые брюки и фарфор, даже вскользь не думая ни о каком море.

О поведении невоспитанного человека в трамвае говорить не будем, не желая вырывать эту острую проблему у лучших представителей и мастеров эстрады.

Остановимся только на несложной процедуре найма такси. Воспитанный человек просто подходит к стоянке, садится в такси и едет в неизвестном направлении. Другое дело — невоспитанный. Он прежде всего становится первым в очередь и на крики и вопли остальных ожидающих веско замечает, что именно ему, а никому другому принадлежит право занять машину без очереди.

В этих случаях всегда наблюдаются ссылки на свои гражданские заслуги. Вынимаются пачки истлевших документов, книжки всех цветов радуги и даже какие-то дребезжащие на ветру металлические бляхи с туманными цифрами. Единственным неспрошенным и неизъятым из употребления именованным документом оказывается пригласительный билет розового цвета на встречу шведских боксеров с нашими в 1929 году. Тем не менее, обладатель этой ценной бумаги все равно хватается такси первым и уезжает, оставляя на стоянке растерянность и колебание одиннадцати граждан. Перековку таких развязных людей лучше всего производить, не откладывая в долгий ящик, тут же на месте, при помощи активных работников городской милиции.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ДИСКУССИЯХ

Участие в научно-философских дискуссиях не обязательно для всех граждан. Даже если вы обладаете пригласительным билетом синего или зеленого цвета, все равно необходимо иметь хотя бы отдаленное понятие о предмете дискуссии.

Был зарегистрирован случай, когда на диспуте о нервном переутомлении работников умственного труда один из ораторов предложил к новому году вообще отменить нервную систему как не отвечающую интересам трудящихся.

Его выслушали внимательно, не перебивая и не выводя из зала, а в перерыве даже кормили бутербродами, но во вторичном слове категорически отказали.

Был другой случай, когда на диспуте о здоровом телянке прашедший без приглашения оратор долго и убедительно говорил о рациональной постановке розничной продажи шишучих

вод. Оказалось, что он перепутал помещения и, по предварительной наметке, предполагал с этой речью выступить на краевом съезде фотографов-пейзажистов.

С воспитанным, культурным человеком этого случиться никогда не может. Тем более, что эпоха дискуссий, на которые можно было являться без подготовки, теперь уже прошла.

Как-то незаметно исчезли волнующие дискуссии недавних лет: «Были ли архангел Гавриил», «Пушкин и хазары», «Нужен ли в хозяйстве склероз», «Пол и транспорт», «За кулисами желудка», «Скифы, или проходная комната». Дискуссии сделались настолько серьезнее, что кормиться в течение года четырьмя цитатами и двумя предложениями на всех дискуссиях стало абсолютно невозможно. Часть очередных дискуссионных ораторов срочно переквалифицировалась на контролеров городского автотранспорта и выступает только в пределах своего месткома.

В ОБЩЕСТВЕ И СВЕТЕ

Поведение в обществе надо рассматривать чисто диалектически, преимущественно с той точки зрения, что из себя данное общество представляет. Так например член общества спасания на водах имеет полное право совершать свои производственные функции совершенно голым. И, наоборот, появление голого человека на заседании общества по охране старины и памятников может вызвать некоторое недоумение и тревогу.

Вернее всего, здесь под словом «общество» следует понимать группу советских граждан, собирающихся в коммунальной квартире на пельмени, чтение стихов Сельвинского или на незамысловатые танцы под подержанные патефонные пластинки.

Не будем давать бесполезные и повторяющиеся старые советы, как следует себя вести на подобных вечеринках с пельменями и стихами. Упомянем только об одном из них.

Под влиянием книжного голода на рынке и недавних скидок на малограмотность в учебных заведениях у нас выросла и окрепла прослойка так называемых остряков-профессионалов. В бесклассовом обществе ему, конечно, не будет места, но пока что он существует и раскидал свою агентуру абсолютно везде.

Остряки-профессионалы спят не более четырех часов в сутки, а в остальное время острят, не стесненные выбором мест для своего несложного производства: они острят в учреждениях, на подножиях памятников, на именинах и в общественных убор-

ных, в библиотеках и на конских состязаниях, за кофе и в крематории. Многие полагают, что это явление чисто эпидемического характера, определенно заразного порядка и что с этим надо бороться не путем профилактики, а путем хирургическим.

Мы, конечно, против отрезания голов или удаления внутренних у остряков-профессионалов, но надо сознаться, что на насилие над обществом анекдотами, устарелыми остротами и профессиональным остроумием следует отвечать короткими, но сокрушающими ударами.

Воспитанный человек острят не более семи раз за сезон, не сознавая даже, что он острят. Так, соловей, если на него надеть пиджак и окружить его платными слушателями, лучше бы предпочел колог дрова, чем петь.

Невоспитанный остряк ведет себя как взбесившийся мул. Едва войдя в чужую комнату, он уже кричит с порога:

— Я под собой прямо ног не чувствую!

— Почему? — уныло, в порядке вежливости, спрашивает хозяин.

— А я в трамвае ехал, так там под собой чьи-то ноги чувствовал, а здесь на своих стою.

И не дождавшись отклика масс, остряк-профессионал уже заливается радостным смехом над плодом своего гения.

Если остряк-профессионал сидит на концерте, ему просто не терпится, пока из него не выльется на чью-то голову очередная острота.

Если вы торопитесь домой со службы, остряк-профессионал выскакивает специально для вас из автобуса, ловит вас за петлю для пуговицы и срывающимся голосом говорит:

— Ради бога, простите, тороплюсь... Одну минуту голько... Приходит один частник в египетскую пирамиду, а в это время лев ел антилопу... Невероятно смешно! Виноват, куда вы?.. Послушайте конец...

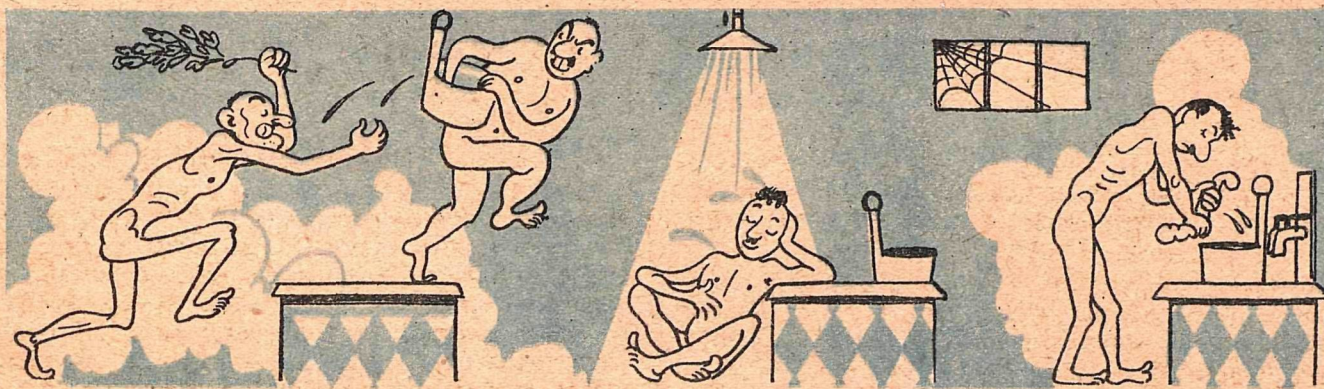
Остряк-профессионал не дает никому есть, говорить или

даже высморкаться. Потому что если вы только вынете носовой платок, остряк уже стучит вилкой по стакану и кричит:

— Товарищи и медам! Одну минуту... У одного грека было два носовых платка. Его тетка была замужем за ихним попом. И вот однажды...

Будьте воспитанны, граждане, и не острите. И помните, что в недалеком будущем за поимку остряка-профессионала будет выдаваться денежная премия. По желанию—ценными вещами.

В БАНЕ И ПРЕДБАНИКЕ

Воспитанные люди иногда заглядывают в баню. Некоторые делают это случайно, некоторые — под давлением окружающих.

Поведение в бане диктуется чисто местными условиями. В бане образцовой, где кипятик еще, так сказать, не доведен до потребителя, или, говоря по-обывательски, нет горячей воды, не следует вести себя вызывающе и требовать невозможного. Можно прекрасно помыться и холодной водой, если, конечно, она есть. В случае отсутствия и той и другой воспитанный человек всегда может обойтись одной сухой мочалкой, не прибегая даже к услугам банщиков, которые в большинстве случаев отменены как наследие тяжелого прошлого. В данном случае воспитанный человек не раздеваясь садится на удобный диван и обмахивается мочалкой как веером, ведя непринужденную беседу с соседями.

— Вот я и помылся,— деликатно говорит он через полчаса. — Пора и честь знать. Надо и другим место уступить.

И он прав, потому очередь у бани растет и негодует.

Как известно, бани у нас зачастую создаются в порядке пристройки к очередям на баню. Сначала выстраивается очередь, и когда она вырастает до угрожающих движению и порядку в городе размеров, в горсовете ставится на повестку дня сложный вопрос: нужна ли нам лишняя баня, а если да, то почему.

В бане, которая снабжена всем необходимым и даже водой, воспитанный человек должен вести себя мягко и с достоинством. Хватание у соседа из-под рук мыльной пены, убежание с чужой шайкой, сон под открытым душем, а также стирка верхнего платья под краном — все это может служить темами для небогатых фельетонов, а никак не линией поведения воспитанного человека в бане.

ПЕРЕД КОМИССИЯМИ

Короткий и точный ответ — явный признак вежливости и воспитания. Красиво составленная фраза, с лирическими отступлениями, с повышением и понижением тона, а также с неопределенными телодвижениями очень эффектно, но не везде и не всегда соответствует характеру момента. Допустим, вас вызвали в Комиссию советского контроля. И спрашивают сухим голосом, не напоминающим журчание лесного ручейка:

— Гражданин Сивых! Чем объяснить, что себестоимость столовой ложки у вас на фабрике «За нашу посуду» исчислена в сорок две копейки, а вы выпускаете ее по два рубля восемьдесят одной копейке?

Не пытайтесь начать свои объяснения так:

— Как сейчас помню себя маленьким ребенком незначительного возраста. Вот я на коленях у своей матушки. Вот я

танусь ручонкой в бабочке и говорю: «Мама, мама, дай мне эту бабочку!» Падали вечерние тени, пели яблочки, вспыхивали звездочки...

Такие лирические обороты совершенно бесполезны в данной ситуации. Все равно накладные расходы не удастся переложить на яблочков. И бабочка все равно не будет отвечать за покражу сырья и сложный набор цифровых данных.

Но мало пригодны также для воспитанного человека и слишком односложные ответы.

Вот, например, вы в комиссии по проверке исполнения заданий, выпавших на долю вашего учреждения. Разве будет воспитанный человек отвечать таким, например, образом:

— Скажите, кто у вас наиболее активные работники?

— Я.

- А кто заслужил премиальные?
- Я.
- А из женщин, занятых у вас в учреждении?
- Я.
- А из внештатных работников?
- Я.

Такая лаконичность ответов вряд ли удовлетворит даже самую либерально настроенную комиссию, и, быть может, она даже замаскированно скажет, что вы жулик. Это зачастую бывает.

В подобных случаях простые деловитые ответы, хорошо

средоточенные и не приписывающие себе заслуг других, лучше всего показывают скромность и тактичность отвечающего:

— Подписка документов произошла не в марте, а в июле, перевоз клубной мебели в квартиру моей жены был произведен не на подводах, а на грузовике, а что касается восьми тысяч шестисот сорока двух рублей суточных и командировочных для переезда на дачу, то эта сумма преувеличена на один рубль семь копеек, на что имею соответствующие документы. В остальном все правильно.

Разве такой ответ не говорит о тонком и деловитом воспитании, чуждом фразерства и напыщенности?

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

На стр. 8—14 вместо слова НЕВЕЖЛИВОСТЬ можно читать НЕКУЛЬТУРНОСТЬ.

Вместо слов (на тех же страницах) НЕКОРРЕКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ можно читать — ХАМСТВО.

Вместо фразы (стр. 9 и 11) «развязность, доходящая до бесстыдства» можно читать и понимать то же самое.

П Р О Ш У С Л О В А !

Кипучая общественная жизнь наших дней от каждого требует умения там или сям взять себе слово и, по возможности не тыча и не заикаясь, произнести таковое. Очевидно, что назрела потребность в комплектном заочном пособии по данному вопросу. И мы тотчас же откликаемся. Вот вам образчики самых насущных выступлений. Натё. Заучивайте эти речи и безболезненно произносите их, где попало.

1. РЕЧЬ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ

Произносится: 1) с паузами после каждого слова (якобы для того, чтобы звуки речи долетали до слушателей) и 2) почти всякое слово повторяется 2—3 раза (якобы для лучшей усвояемости смысла). Оба эти условия дают возможность произнести речь при полном отсутствии мыслей на данную тему. Пример:

— Товарищи!.. Мне думается, товарищи!.. Думается мне!..

Что все мы!.. Все!.. Мы все искренно рады!.. Искренно, товарищи!.. Все мы рады открытию этой починочной мастерской!.. Той мастерской, товарищи, которая будет чинить... Чинить обувь... Обувь будет чинить, товарищи!.. Кончаю, товарищи!.. Я кончаю!.. Все мы рады!.. Все!.. Искренно!.. Искренно, товарищи!..

Вот и все. Как читатель заметил, в сущности, изложено содержание одной незатейливой фразы. А между тем—полное впечатление речи.

2. РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ

Речь на учрежденческом юбилее обычно произносит товарищ юбиляра, который считает, что если уж кто достоин чествования, так это персонально он, оратор, а никак не юбиляр. Мы хотим помочь юбилейному оратору, помочь сохранить всю свежесть его идеи и придать ей такую форму, которая была бы уместна на церемонии юбилея.

— Дорогой Николай Трифонович! Уважаемые товарищи! Сегодня, когда мы торжественно отмечаем двухсполовиние плодотворной деятельности нашего дорогого Николая Трифоновича, я думаю, уместно будет вспомнить, как тому назад три года почтенный наш

юбиляр — в то время юркий молодой человек — явился ко мне. «Иван Сергеевич! — как сейчас помню заявил мне сегодняшний юбиляр. — Как хотите, Иван Сергеевич, а я ваш поклонник». «Да ну вас к свиньям», — как сейчас помню, добродушно ответил я юбиляру. «Нет, нет, я серьезно, — замахал на меня руками юбиляр. — Ваша идея создать хорошо обученные кадры почтовых бабочек и мотыльков — над этим можно работать всю жизнь!» «Охота вам, ей богу, трепаться!» — как сейчас помню, сказал я и весело ткнул юбиляра вот сюда, пониже левого плеча. И что же? Действительность полностью подтвердила замыслы нашего дорогого Николая Трифоновича. Да! В его ловких руках моя идея обрела жизнь. Чего доброго, Николай Трифонович, вам еще дадут звание заслуженного деятеля!.. Но пока... то есть хотя этого еще не случилось, примите мои искренние поздравления, дорогой и многоуважаемый Николай Трифонович! (Поцелуй взасос, слезы или за отсутствием таковых срочная протирка стекол очков).

3. ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД С ДЫМОВОЙ ЗАВЕСОЙ

Допустим, вам предстоит отчитываться в работе, достижения которой невелики, мало заметны или вовсе отсутствуют. Как добиться одобрительной резолюции? А очень просто: не стеснясь, подымайте вопрос на принципиальную высоту, скажем так:

— Товарищи! Прежде чем отчитываться в порученной мне работе уполномоченного по закупке театральных билетов, я должен кратенько остановиться на внутреннем и международном положении Советского союза на сегодняшний день. Это необходимо, поскольку я не мыслю своей работы иначе, как с полным учетом всех запросов громающего сегодня. Итак, что мы имеем, товарищи, во всех решительно областях? Во всех решительно областях мы имеем вот что. В то время как цифра выполнения в прошлом году составляла всего только 93% к коэффициенту недопере- выполнения за это же время, сейчас, товарищи, мы имеем, по предварительным только данным, 102,6% — и это без

коэффициента. Я попрошу товарищей заметить себе эти цифры, а еще лучше записать их, поскольку я буду оперировать ими в течение всего доклада. А вы там почему не записываете?.. Ну то-то! Идем дальше. Если мы посмотрим теперь на отдельные секторы, то и тут положение радует нас внушительной цифрой: 0,007(8)—ноль целых ноль семь и восемь в периоде... Записывайте, товарищи: ноль запятая ноль ноль семь скобка восемь скобка закрывается. Идем дальше... (я так далее с таким расчетом, чтобы из опущенного на доклад времени на отчет о собственных ваших делах осталось не более 30 секунд). Теперь, товарищи, я округляюсь и перехожу к собственно закупкам теабилетов у нас на предприятии. К сожалению, тут мы несколько отстаем от общего положения вещей... Что? Мое время истекло?.. Ну, что ж делать, до другого раза, товарищи!.. (Само собой разумеется, надо следить, чтобы прения после подобного доклада стояли на таком же уровне и никоим образом не опускались с принципиальной высоты, на которую ловко залез докладчик).

4. РЕЧУШКА НА СКОРУЮ РУКУ ПО ПОРУЧЕНИЮ МЕСТКОМА

Как известно из газет, отдельные низовые профсоюзные организации на сегодняшний день мало знакомы с трудящими, которых они объединяют. И вот, следственно, в дом приходит оратор и говорит примерно так:

— Товарищи, от имени местного комитета работников колбасного треста «Кишка тонка» я склоняю знамена перед безвременно усопшим това... Как, никто не усон? Наверное не усон? А зачем же меня уполномо?.. Чего? Свадьба?.. Так бы и говорили сразу!.. Да, товарищи, от имени месткома могу сказать, что все мы радуемся этому браку вместе с дорогим нам Феоктистом Семеновичем Пичу... Не Феоктист?.. И даже не Семенович? Как же его зовут?.. Ага!.. Ермолай Карпович Подтяжко дорог всем нам как работник и как человек. Поэтому от имени месткома желаю ему и его супруге благополучия и, по крайней мере, троих детей... Что? Есть? Дети уже есть? Когда ж они?.. Ах, только регистрируют брак сегодня?! Поздновато, поздновато:

через семь-то лет!.. Наш местком, который представил новобра... то есть новорегистрированным супругам эту комнату, вероятно, когда узнает, что имеются дети, пойдет им еще раз навстречу и... Как, то есть, две комнаты? Откуда же у них вторая комната? Да это какой номер дома? А мне нужно дом номер девять, а не семь!.. То-то я смотрю: ничего не совпадает!.. Пичугин — не Пичугин, похороны — не похороны... Дети откуда-то... Ну, я пойду... Может быть, еще застану гражданскую панихиду... От имени месткома пока, товарищи, пока!..

5. ЗАСТОЛЬНАЯ РЕЧЬ НА ИМЕНИНАХ В МАЛОЗНАКОМОМ ДОМЕ

(Стучит ножом по бокалу). Граждане! Позвольте мне сказать несколько слов о нашей дорогой имениннице, которая (ножом по бокалу)... Убедительно прошу тишины, граждане! Я хотел бы только... Передайте ему кильки, если он не может подождать со жратвой пять минут, когда человек говорит... Граждане (ножом по бокалу)! Да граждане же (отчаянный стук ножом по бокалу)! Ну, да, ну, разбил я ваш бокал... Если бы все не ревели здесь, как ослы, не пришлось бы бить... Хоть от распросервиза! Воспитанная хозяйка сделала бы вид, что ей наплевать на этот дурацкий бокал... Дадите вы мне высказаться или нет?.. Неинтересно? Ах, вам неинтересно, что я буду говорить? Так и чорт с вами!.. Да, и с вами чорт!.. Как будто никто никогда еды не видел... Хочешь им сказать гост, почти целый спич, а они... Сам кретин!.. Я сказал: сам кретин... Только попробуй, я могу и сдать!.. Как сейчас дерну за скатерть, так все и полетит на пол... Ты толкаться? Толкаться?! Ах, ты... Ых... ых... эх... руку пусти, сволочь... Ых... ых... ых... Нет, не возьмешь, не возьмешь... Четверо на одного, да?.. Пусти, дьявол, я сам пойду... Пусти, я сам. Кепку, кепку мою отдайте... Без кепки я никуда... (Стучит кулаками в дверь из под'езда.) Откройте, мерзавцы, там мое кашне! Кашне мое, говорю! Кашне! (Оборачивается к двери спиной и лягается правой ногой.) Каждый раз, как начнешь речь говорить, обязательно кончается в под'езде...

Б Е С Е Д Ы П О Ш Л Я К А

ИЗБРАННОЕ

Ниже мы публикуем кое-что из так называемых «Общепринятых разговоров». Надеемся, читатели воспользуются нашей работой и никогда не будут осквернять своих уст этими перлами.

Остроумие. Вы не прозрачный! Подумаешь, художественный театр! Я—пас. Неужели у вас не хватает огня? (об отсутствии спичек). Дорогие гости, не надо ли вам хозяева? С ловкостью молодого медведя...

Цитаты. Счастливые часов не наблюдают. Пока, пока, ведь ночь недалека!.. Куда, куда вы удалились? Только раз бывают в жизни встречи... Сильва, ты меня не любишь.

Природа. Как красиво, а нарисовать, — никто не поверит.

Мысли. Говорят, сейчас изобрели такие дредисуты, которые сами понимают, куда надо стрелять. Да, брат, если будет война, это будет не шутка!

Дети. При их зароботке иметь детей — преступление! Не потому, что я мать, это действительно необыкновенный ребенок! Вылитый отец! На этом ребенке все горит!

Молодежь. Чему их теперь учат!

Старость, смерть. Из самого песок сыплется, а туда же! Ваше время уже прошло, да-с! А ведь вчера еще был жив! Все там будем.

Знакомые. Как мир тесен! Как Москва мала! Сколько раз давал себе слово: не делать никому одолжений! Что она в нем нашла? Нет, что он в ней нашел? Как некоторые умеют устраиваться!

Любовь, брак, семья. Если б вы знали, как я одинок!.. Вы не такая, как все... Вы с'ели у меня всю помаду с губ... Хочешь, мы завтра распиемся? Де свиданья, киска, мне надо на заседание. Тебе опять звонил этот голос! Не могу же я ни с того, ни с сего выгнать человека. Так дальше продолжаться не может! Тише, не то услышит мой благоверный (благоверная)! Хо-хо! — вспомнили: я с ним (с ней) давно расплевался (лась).

Светская жизнь. Как жизнь молодая? Чем бог послал. Передайте мне хлеб и вообще... поухаживайте за мной, я за вами ухаживал... За милых женщин! Отстае, Иван Петрович, передергиваете! Хорош кавалер! Позвольте, я вам. Нет, уж я сам!.. Позвольте, я вам!.. Нет уж, я сам!.. Позвольте, я вам!.. Нет уж я сам!..

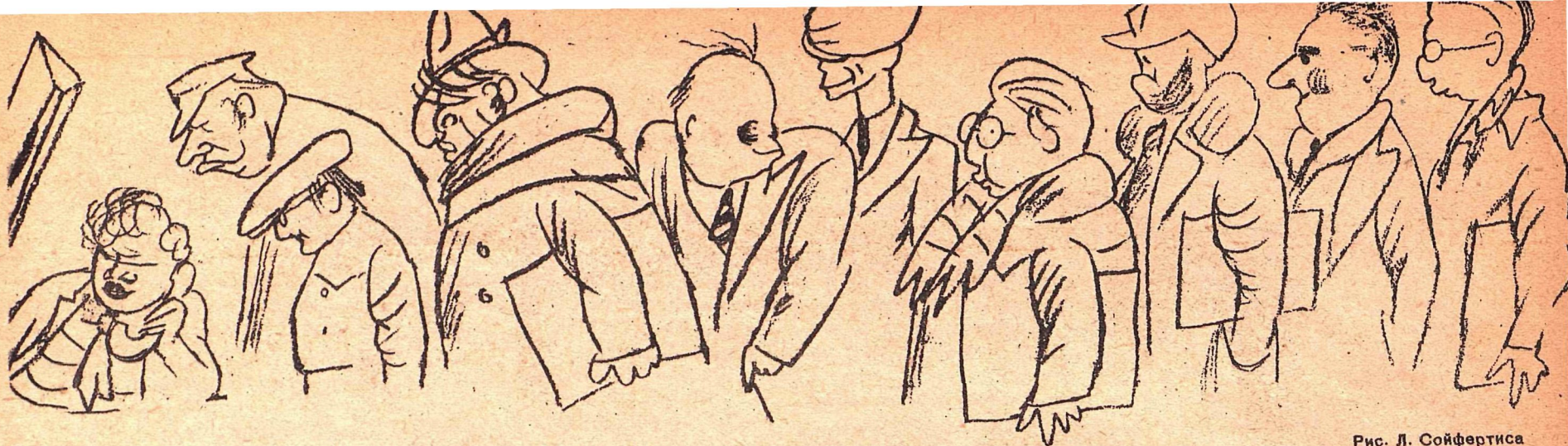

Рис. Л. Соифертиса

КСТАТИ О ХОРОШЕМ ТОНЕ

— Товарищи из „Лакокраски“! В этом номере „О хорошем тоне“ мы напоминаем и вам: дайте нам хороший зеленый тон, красный, синий и другие! Когда же мы от вас дождемся действительно хороших тонов красок, необходимых художникам для работы?

Художники Крокодила

ПЛЕВОК В БОРЩ

С Сергеем Егорычем мы шли по Петровке. Сергей Егорыч шепнул мне:

— Посмотрите, вот навстречу нам идет человек. Обратите на него внимание.

Смотрю и не замечаю ничего удивительного. Обыкновенный персонаж. Таких прохожих на каждой улице сотни. Чистенький, аккуратный человек. И портфельчик у него такой же чистенький и аккуратный. А глаза тихие, скромные, без всякого нахальства.

Поровнялся этот человек с нами и нечаянно задел меня локтем. Не то, чтоб толкнул, а только коснулся, и то самую малость. Но сразу встрепенулся, застенчиво улыбнулся и умоляюще сказал:

— Простите! Ради бога, простите!..

Когда он миновал нас, я спросил Сергея Егорыча:

— Кто он, этот вежливый гражданин?

— Страшный человек! Отчаянный хулиган!

— Что вы! Ошибаетесь...

— Повторяю: хулиган, каких мало. Я его знаю: он живет в одном доме с моими знакомыми. Наслышался я о нем таких вещей!..

— Но позвольте... Весь его облик, его манера говорят о другом.

Этот человек на все способен. Он даже может в трамвае уступить место женщине с ребенком. Более того, он уступает место женщине без ребенка.

Тише воды и ниже травы он в кино или театре. Деликатен и предупредителен в бане. Он в точности знает все правила хорошего поведения и все статьи уголовного кодекса, трактующие о хулиганстве.

На службе все им довольны. Он точен и аккуратен. Все бумаги тщательно подшиты и строго занумерованы. Он никогда не бросит спички на пол. Если, паче чаяния, кашляет, то отвернется и прикроет рот ладонью. Если чихнет, то повернется к сослуживцам и скажет: «Извиняюсь за беспокойство». А чихнет кто-либо другой, обязательно пожелает тому счастья и здоровья.

Но его любезность и аккуратность обрываются как тоненькие нити у ворот дома, где он живет. Здесь начинаются его владения.

Здесь, дома, можно показать себя во всю натуральную величину, во всей своей природной красоте.

Он забежит на кухню с единственной целевой установкой: плюнуть в вашу кастрюлю с борщом.

В вашу кастрюльку с молоком, стоящую на примусе, он за неимением «Душистой фиалки» небрежно опустит кусок простого хозяйственного мыла.

Встретив вашу жену в коридоре, наступит ей на ногу, за это же назовет ее стервой и пойдет дальше, забыв извиниться.

Если хотите ближе ознакомиться с этой незаурядной личностью, надо обратиться в камеру народного суда или в ближайшее отделение милиции. Многочисленные протоколы расскажут вам, что сей тихоня и любезный человечек—хулиган и разбойник у себя на квартире, среди соседей... Но все эти протоколы сочиняются, подписываются, а затем где-то бережно хранятся.

Нашего героя зовут Иваном Племяшовым. А жену, славную его соратницу в квартирных боях (излюбленный ее прием—стремительный удар в переносицу неприятеля)—Ниной Зингерман. Живет эта счастливая пара в Москве, на Покровке, в Потаповском переулке, в доме № 10.

Если зайдете на кухню этого дома в те бойкие часы, когда неистово пылают примуса и керосинки, то увидите здесь твердо стоящих на посту дневальных. Это жильцы по очереди дежурят. Неровен час, на минутку уйдешь—забежит Племяшов или его супруга и могут плюнуть или, в лучшем случае, бросить мыло или мусор в вашу пищу.

Племяшов всех жильцов квартиры обзывает классовыми врагами, ворами, спекулянтами, вредителями. Он уж несколько раз обещал принять срочные меры к высылке всех их из Москвы. Будете жаловаться? С кем в борьбу вступаете, голубчики? Он, Племяшов, работает в управлении милиции! Он член партии! Он никого и ничего не боится. «То, что мне можно, вам нельзя...»

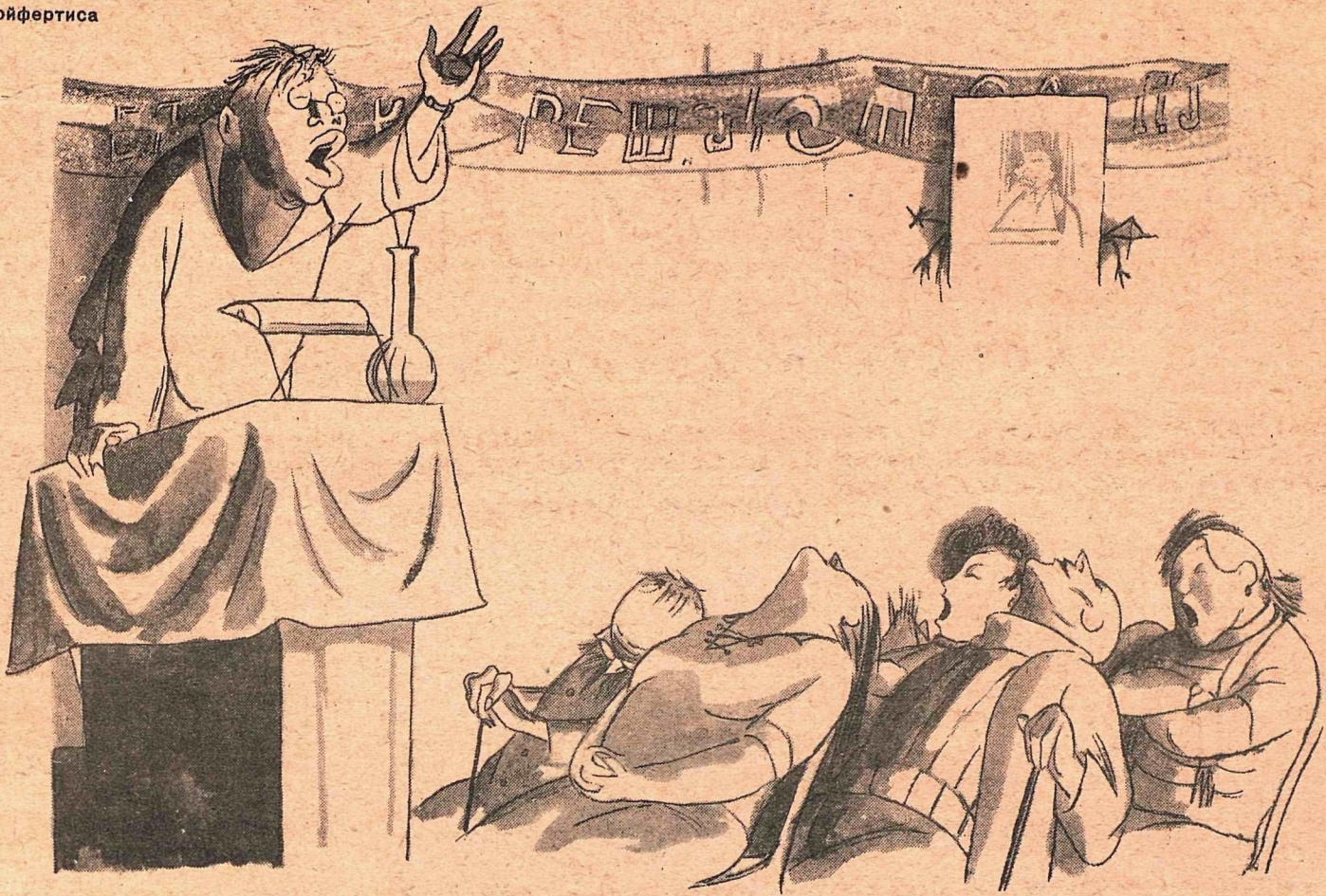
Вчера утром позвонил мне Сергей Егорыч.

— Помните, мы шли с вами по Петровке? Встретили этого милого, обходительного человека. Я вам о нем рассказывал. Так вот сегодня его исключили из партии и сняли с работы. Да... Да... За это самое. Что? Будут ли судить? Это уже не у меня спрашивайте. Обращайтесь к народному судье...

Г. РЫКЛИН

ЗАКОННОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Рис. Л. Сойфертиса

Когда оратор в течение шести часов не закрывает рта, — слушатели следуют его примеру.

И ВЕДУТ И ДЕРЖАТ

Рис. Н. Радлова

— Говорят, что мы не умеем держать и вести себя. Ну так что же: зато мы отлично держим и ведем других.

Первая

Кафе, в котором Нюрка служила официанткой, было единственным в городе, но почему-то называлось «Кафе № 5». В витрине его стоял стол, накрытый бумажной скатертью с фестончиками, а на столе сиротливо стояли: стакан желудового кофе, сковородка с яичницей, жаренной неизвестно когда, и тарелка с булочкой, похожей на ручную гранату типа «лимонка».

Отдельные граждане все же посещали «Кафе № 5». Сначала такой смельчак долго лягал дверь кафе в дубовый окаймленный ее живот. Наконец, дверь с лягом, похожим на икоту, отворилась, и смельчак впадал в зал.

В зале было холодно и свежо как в предбаннике. В пальто и калошах, потирая ушибленную при падении коленку, посетитель садился за столик, под пальму, на широких листьях которой неизвестным лингвистом были вырезаны неприличные слова, и озирался с невольным трепетом. Тут он замечал Нюрку.

Официантка стояла в обычной своей позе, прислонившись спиной к печке, и смотрела на смельчака тяжелым, удавчим взглядом. Она искренно и глубоко ненавидела посетителей «Кафе № 5». Они мешали ей жить.

Рабочий день Нюрки складывался так: утром она сидела на кухне, слушая, как судомойка Петровна разгадывает сны, приснившиеся за отчетную ночь персоналу «Кафе № 5», в том числе и его директору — Степану Гусятникову.

Главным клиентом Петровны был повар. Ему обычно оштрафовали беспочвенная фантастика.

— Петровна, — говорил повар, — я сегодня говорящего судака во сне видел. Будто я его чищу, а он, собака, бельма на меня выкатил, рот раззявил и одно ругает, одно ругает!

— Как ругает-то? — спрашивала Петровна.

— Нехорошими словами. Известно — судак, что от него возьмешь! Не лососина.

— Не иначе, тебя санитарный оштрафует, — глубокомысленно решала Петровна.

Затем Нюрка уходила в зал к кассирше Ангелине Сигизмундовне, пожилой даме, с бледной бородавкой на носу.

Часа три они дружно бранили мужчин, которых кассирша всех поголовно считала грубыми эгоистами. Затем Нюрка обедала, а пообедав, дремала у печки. Незаметно подкрадывался вечер. Надо было спешить домой. Редкие посетители нарушали этот железный распорядок, поэтому Нюрка ненавидела их и всячески угнетала. В особенности мужчин. Надо сказать, что посетители платили ей той же монетой. Взглянув на нюркин нухлый рот и сонные сердитые глаза, на грязный ее фартук и траурные ногти, люди сразу почему-то чувствовали глухое и неприятное раздражение.

Гражданин, сторяча заскочивший в кафе, ожидал свою яичницу, как правило, не меньше часа. Готовая яичница остывала на краю плиты, а в это время Петровна гадала Нюрке на картах.

— Выходит тебе скорая свидания с пожилым королем крестей. Только он марьяжный, и дети у него — бубновые.

— Нюрка, неси, — перебивал Петровну повар, зевая, — все равно замуж не возьмут, как ни гадай.

— Обождет, не сдохнет! Петровна, миленькая, а энтот симпатичный валежник что означает?

Из зала в кухню доносился глухой стон. Только тогда

Улыбка

как, не утерпел, сам пошел за кофе. Как посклизнется — куды очки, куды кофий! Смеху было!..

Ничего нет вечного под луной. Однажды в «Кафе № 5» пришли маляры и плотники, и через пятидневку холодный сырой зал, отделанный фанерой под дуб, чудесно изменился. На буфетной стойке появились аппетитные торты и вазы с фруктами и конфетами. Вместе с неприличной пальмой куда-то исчез бывший директор Степан Гусятников. На Нюрку надели голубую шолковую кофточку, бежевую юбку и сделали ей маникюр.

— Вот что, девушка, — сказал ей новый директор, седой, с веселыми глазами, — вежливой надо быть, улыбаться надо, когда разговариваешь с посетителями. У нас кафе, а не похоронная контора. Понятно?

— Все мужчины — грубые эгоисты, — сурово сказала Нюрка словами Ангелины Сигизмундовны, — не стану я им улыбаться, хоть вы меня на кусочки режьте.

— Какие там эгоисты! — засмеялся директор. — Попадают и альтруисты! С завтрашнего дня начинаем работать по-новому. Учти это.

Ночью Нюрка спала плохо. Снились мужчины, сплошь грубые эгоисты, седой директор, и будто порвалась новая бежевая юбка. На душе было тревожно.

Кафе открылось ровно в шесть часов вечера. Поговорить о роковом сне с Петровной не удалось, потому что оркестр в зале сразу заиграл веселый фокстрот, гостеприимно хлопнула починенная дверь и появились первые посетители.

За нюркин стол сел молодой парень с симпатичным белокурым чубом на лбу. В форме летчика. Наверно, грубый эгоист.

«Еще я такому улыбаться буду!» с тоской подумала Нюрка.

Белокурый эгоист заказал какао с парожным и прибавил:

— Особенно не торопитесь подавать. Я пока покурю, музыку послушаю. Очень уж у вас хорошо стало.

Улыбаясь, он в упор посмотрел на нюркину голубую кофточку, на пылающие ее щеки и растерянные глаза и сказал:

— И даже официантки приветливее стали! А раньше здесь одна такая выдра была, такая злючка! Не девушка, а скала «Пронеси, господи». Ее уволили, что ли?

Нюрка вспыхнула, хотела было срезать нахала и вдруг неожиданно для самой себя сказала:

— Уволили!

И улыбулась.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

МОЙ РУССКИЙ СЛОВАРЬ

Пусть предисловие утверждает, что «запас слов проф. Геккера при путешествии и изучении языка» для любого путешественника «совершенно необходим», — это не соответствует истине: уже десять месяцев, как я в советском обществе еще ни разу не имел случая применить прекрасную фразу «Покорнейше вас прошу, сударыня». Я даже не нашел повода, чтобы спросить кого-нибудь «об уважаемом здоровье вашего брата», как этого требует от меня VIII глава — «Знакомство и общество». Но если я и существую в Москве, не зная, как произносится по-русски «княгиня по рождению», то все же я берусь искреннейшим образом рекомендовать мой русский словарь любому из вас. Он вышел в Берлине в издании Б. Бер, и от него можно многому научиться.

Несомненно, автор словаря по своему складу ума несколько пессимистичен. Например глава «Путешествие по воздуху», начинаясь словом «аэростат», заканчивается мрачным утверждением: «сломать себе шею; лежать с раздробленным черепом».

Более интересные сопоставления позволяет сделать глава «Город, городская жизнь». Фраза «Посторонись! Собственный экипаж!» с полным основанием помещена вблизи потрясающего возгласа «Боже, какая грязь!» По каким-то своим основаниям господин профессор Геккер при описании городской жизни считает необходимым познакомить меня с выражением «три замаскированных субъекта», и сразу же за этим он сообщает: «ее увели (затащили куда-то)». Все же поспешное уверение в том, что «с ней ничего не случилось», уже не может изменить место мнения.

То, что в разделе «Общественная безопасность» приведено слово «провокация», происходит, очевидно, по той же причине, по которой в разделе «Попечение о бедных» германский профессор считает необходимым предложить следующую фразу: «Детям я ничего не даю. Прочь убирайся!»

Семейная жизнь, любовь, брак, воспитание и смерть составляют VII главу русского словаря господина Геккера. Здесь мы находим подряд следующие фразы и слова: «шлать», «поставить в угол», «пощечина», «я его выпорол», «его выпороли», «повеса», «озорник». И в таких фразах человек развивается до тех пор, пока не приходит время «любви и брака», что выглядит примерно так: «хорошая партия», «он сделал ей предложение», «ее родители не согласны», «сколько за его женой?»... «Смерть» глубокомысленно отделена от «любви и брака» обширным разделом «Хозяйство» и проникнута теми же понятиями, характерными для этого явления: «он тихо скончался», «вдова безутешна», «вскрывать завещание», «сколько вы получаете по наследству?», «он всех наделил», — а между этими словами

кишат разные «последние помазанья», «траурные знамена» и «мир праху его!» Не пропущено и «царство ему небесное» так же, как и ужасная новость: «он ничего не оставил!»

Обширность этих глав вознаграждает меня за краткость последующих.

Итак, например, «Университет». Слова этой главы охватывают собой самое основное, что должен знать человек, интересующийся наукой: эта глава начинается «богословским факультетом» и кончается словами «фехтовать», «рубцы» (фраза «хорошо воспитан» вкрадлась сюда, наверное, по недосмотру: она, по всей вероятности, относится к главе «Охота» и касается «лягавой собаки»).

Еще короче можно изъясниться при других незначительных явлениях общественной жизни. Вот буквальная передача содержания отдела «Промышленность», без всяких пропусков: «фабрика», «завод», «рабочие», «поджигатели, подстрекатели, агитаторы», «приостановить работу», «бастовать, не работать», «караульные бастующих», «штрейкбрехер». Это все, чем профессор Геккер может снабдить немца, направляющегося в Россию.

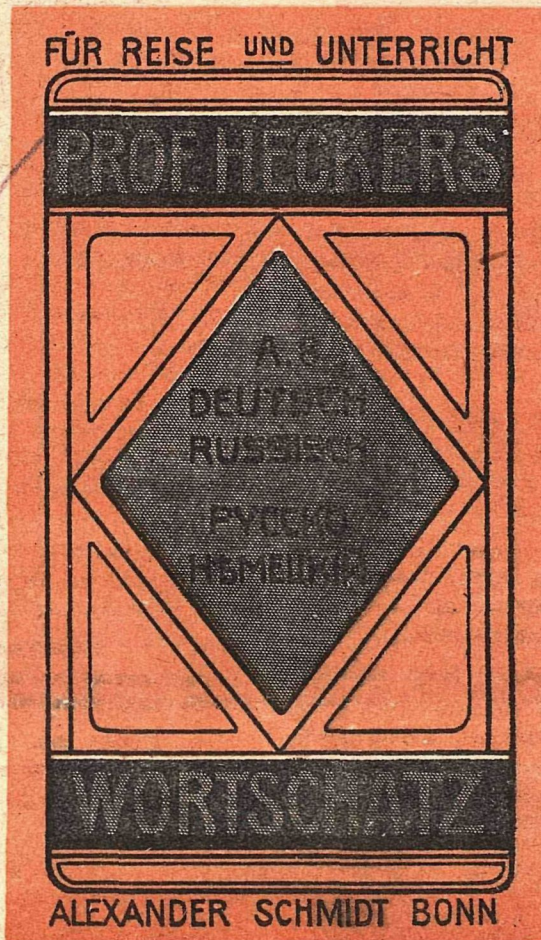
Чрезвычайно поучительна также глава «Солдатская жизнь». Она пускает в ход такие слова: «подчинение, субординация», «средний арест»; далее — переход к «Обществу офицеров», о котором предлагается усвоить на русском языке понятия: «солидарность», «сословная честь». Я боюсь, что, обладая этим запасом слов, вряд ли можно рассчитывать на удачную беседу с красными командирами...

В главе «Тело», в разделе «Рука», мне осмотрительно, на всякий случай, сообщают: «он ударил ее кулаком в глаз».

Как уже было сказано, в обычной, повседневной жизни я не могу пользоваться этим немецко-русским словарем, хотя для этого-то он, собственно говоря, и издан. Я считаю чистым обманом то, что он якобы «просто необходим каждому путешественнику». Но все же меня очень развлекает мой словарь. Уже одна глава «Общество и государство» полностью оправдывает мои чувства. Эта XVIII глава начинается словами «раб», «рабство» и после шестнадцати страниц всевозможных терминов заканчивается следующим сопоставлением: «петь «Марсельезу», «строить баррикады», «военное положение», «захватить зачинщиков», «повесить их».

После этого профессору Геккеру не остается ничего иного, как XIX глава — «Бог, религия, церковь», — для того чтобы дать там перевод слов: «рок, судьба», «богу так угодно было», «так уже было суждено». На этом можно распрощаться с моим русским словарем (VI глава, раздел «Прощание»): «я был очень рад», «благодарю вас, что навестили нас», — не опасаясь, что наш собеседник бросит нам в лицо: «Нет, это я должен вас благодарить!»

ЭРНСТ ОТВАЛЬД

ТОНКОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ

Недавно тут у нас, на постройке, заговорили о вежливости. Кажется, это вышло потому, что как раз перед этим возчики очень нехорошо бранились в конторе из-за расчетов. Товарищ П. С. Чоботов говорит:

— Конечно, — говорит, — какому-нибудь лорду или маркизу, ему легко соблюдать хороший тон. Это ему — раз плюнуть. Еще бы! Он со всеми вежливый, вежливый, потом, может быть, быстро хамнет какому-нибудь лакею, тем самым себя успокоит и опять со всеми вежливый... Нет, этого бы маркиза перекинуть на снабженческую работу!

— Или на транспортную, — вставил К. П. Скуселев, заведующий гаражем.

— Угу. У нас хороший тон надо понимать диалектически.

— Диалектически?

— Диалектически. Вот, например, завтра я должен идти в Горкомпром-электробанк и просить денег. А денег надо. Так разве тут одним хорошим тоном обойдешься? Тут надо пять тонов переменить!

— Ну уж и пять! — недоверчиво сказал я.

— А чем сомневаться, вы бы прошли со мной завтра утречком в банк и по-

смотрели бы, какие бывают хорошие тона.

Утром встретились мы с Чоботовым у под'езда банка. Вошли.

П. С. Чоботов прямо идет к кабинету директора. У дверей стоит курьерша, никого не пропускает. А народу, посетителей тьма. П. С. Чоботов подходит вплотную к курьерше, небрежно кивает ей головой и спрашивает:

— Там?

— Там, — отвечает курьерша.

— Занят?

— Занят. Никого не велел пускать.

— Правильно. Ты никого и не пускай, слышишь?

— Слышу. Я и то никого.

— Никого! Чтобы ни говорили, стой — и никаких. Премировали тебя или нет?

— Прошлый год только.

— А в этом году не премировали? Ну ничего. Я скажу там... Или деньгами сделаем или патефончик...

Курьерша расплылась в широкой улыбке и стыдливо заметила:

— На что мне патефон?

— Ну, значит, деньги, — равнодушно согласился Чоботов. — Этот товарищ со мной. Можешь впустить.

Курьерша предупредительно распахнула дверь директорского кабинета.

П. С. Чоботов победоносно глянул на меня и шепнул:

— Это, значит, был покровительственный тон. Теперь смотрите: тон номер два — подхалимский.

Директор банка сидел за кафедральным письменным столом. Перед ним лежали раскрытые ведомости и книги. Директор обеими руками ворошил эти документы, а правым ухом прижимал к плечу телефонную трубку и кричал в нее:

— Что ты мне говоришь, что у тебя значит, когда у меня не значит... Как это у тебя значит, когда у меня не значит... И тут не значит!

На столике, сзади директора, где стояли четыре телефона, затрещал звонок. Чоботов поднял трубку, в горсточку, как бы кашляя, буркнул «Слушаю» и подал трубку директору:

— Вас!

Директор привычным движением перекинул голову с правого плеча на левое и забубнил в новую трубку:

— Да. Так не дадим. А так дадим.

А так не дадим. А так дадим...

Опять зазвонил телефон. Чоботов сменил трубку и директорское ухо так ловко, будто года два провел здесь в подручных. Потом еще звонок. Еще. — Вас!.. Вас!.. Опять вас!.. Вас!..

Потом Чоботов воспользовался паузой и, подхалимски качая головой, заметил:

— И как вы только справляетесь, Сергей Иванович. Ну прямо на куски вас рвут, на куски, как винегрет какой!.. Ай, ай, ай!.. Как это мыслимо? Вот, говорят, в мирное время еще в древнем Риме был один ответработник, так он, говорят, справлялся с тремя делами за раз.

— Это Цезарь, что ли? — презрительно спросил директор. — Ерунда. Щенок ваш Цезарь. Ему бы ввести жесткую финансовую дисциплину...

— Соплик! — подхватил Чоботов. — Просто раздут нездоровой буржуазной шумихой... Но не буду вас задерживать, товарищ директор: подмахните вот здесь, и я, тово, испаряюсь...

В бухгалтерии Чоботов поднял указательный палец и сказал мне:

— Тон номер три — фамильярный.

После чего направился к барьеру, за которым виднелась чья-то молодая, но очень быстро — ну прямо на глазах — лысеющая голова. Чоботов подошел, весело подмигнув, обратился к владельцу головы:

— Я, понимаешь, к тебе по следам пришел: иду и смотрю, понимаешь, на пол: где твои волосы валяются, значит, там ты, понимаешь, проходил...

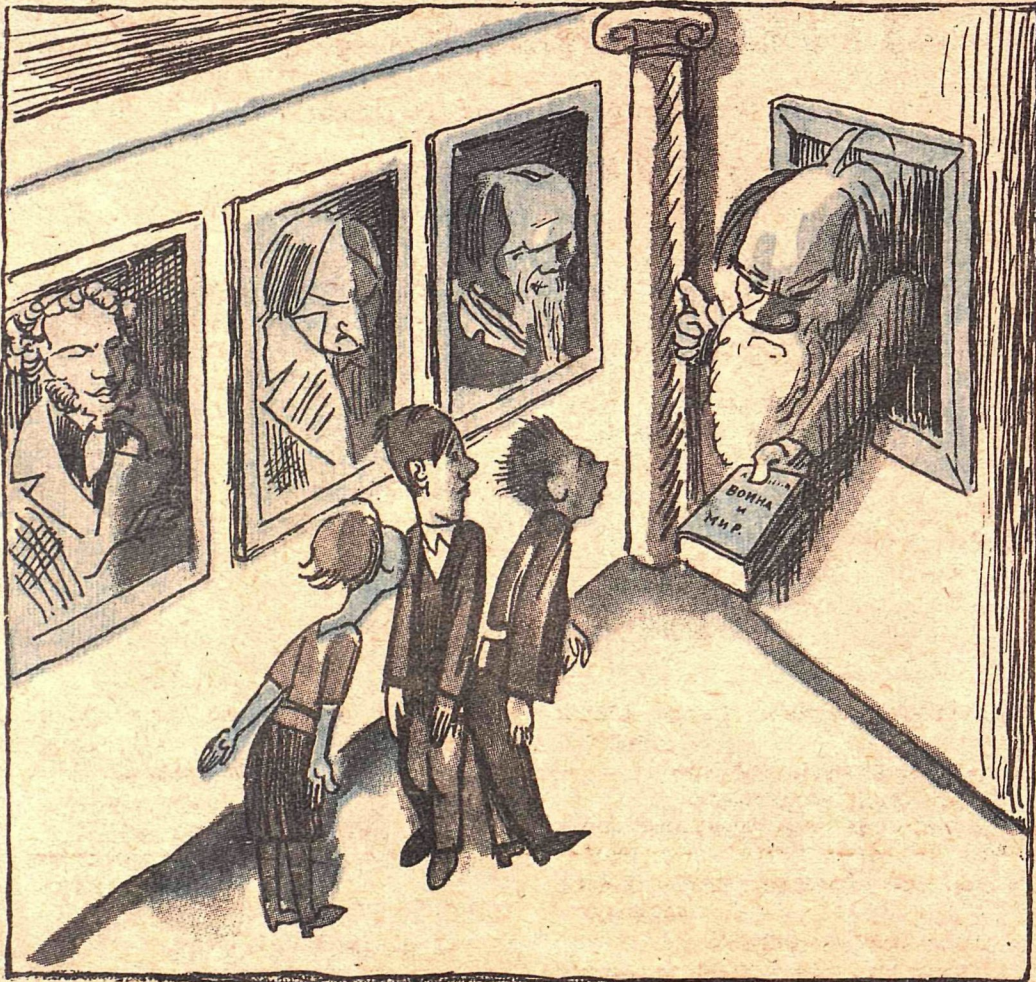
Чоботов стал долго и добродушно смеяться. Потом как-то сразу со стуком захлопнул рот и сказал:

— Ну ладно, ладно, на, чорт паршивый! Выплачивай наличными! Вот резолюция директора.

Лысый сотрудник принял бумагу, долго изучал ее и потом сказал:

ДОБРОЕ ЗНАКОМСТВО — ЗАЛОГ УСПЕХА

Рис. А. Радакова

— Можешь не прибегать ни к каким знакомствам для поступления в вуз, но с нами ты познакомиться обязан!

— Не имею права, поговорите с главбухом.

Чоботов вырвал у лысого из рук бумагу и пригласил меня следовать за собой за барьер.

— Начинается тон номер четыре — хамский. Главный бухгалтер всегда боится, что у него где-нибудь что-нибудь не в порядке. Людей много, а отвечает он один. Следственно, на бухгалтера надо кричать, и тогда он робеет.

Мы подошли ко внушительному американскому бюро в стекляннo-фанерно-стеклянном закутке.

— Вы главный бухгалтер? — брезгливо спрашивает Чоботов.

— Я, — отвечает тучный блондин. — Что угодно?

— А то угодно, что пора бы вам привести в порядок вашу бухгалтерию!

— То есть? — неуверенно говорит бухгалтер.

— Вот вам и то есть. Насажали здесь 40 человек и 8 лошадей, и каждый делает, что хочет...

— Да что вам угодно? — совсем уже бледный лепечет бухгалтер. — Если вы насчет счетовода Кропотова, так он с завтрашнего дня уволен...

— Нет, тут не Кропотов, тут хуже пахнет...

— Василисина у нас уже не служит! — истерически перебивает бухгалтер.

— И чорт с ней, с Василисиной! Я требую только, чтобы у вас по резолюции вашего же директора выдавали деньги!

Главбух испускает вздох облегчения.

— Только-то? — нежно шепчет он. — Где ваша бумажка?..

Через пятнадцать минут с ордером в руках мы подходим к кассе.

— Тон номер пять — ласковый, — говорит Чоботов. — Почему ласковый? Потому что кассира иначе не проймешь.. Если с кассиром грубить, он закроет окошечко и будет до вечера переслюнивать трешки... Это первый человек... Тихону Николаевичу наше! — вдруг зашел Чоботов. — Как живете-можете? Как здоровье? Супруга как?

— Да вот изжога все мучает, — солидно отозвался из своей клетки кассир. — Как чего поешь, в горле как шарикоподшипник перекатывается...

— Против изжоги, Тихон Николаевич, у меня редептик есть.

— Ну-к что ж, покажите редептик. Сумму прописями надо.

— Кого учите, Тихон Николаевич, хе-хе-хе!.. Рубли прописями, копейки цифрами. С детства помним.

— Проверьте!

— Какая же после вас, Тихон Николаевич, проверка? Вы у нас машина, хе-хе... арифмометр... пылесос! Пока, всего вам! Ждите рецепт!..

На улице Чоботов спросил меня:

— Сколько я вам вчера обещал тонн?

— Пять.

— А сколько их было?

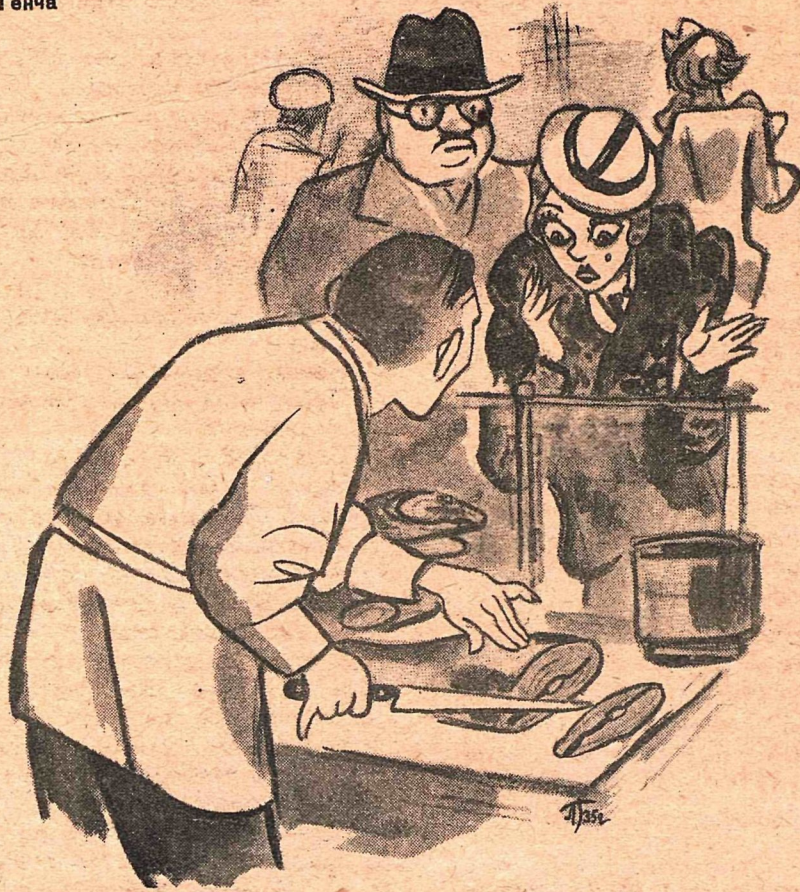
— Пять и было.

— А вы говорите — лорд!.. Пока!

ИВАН ДИТЯ

ВЗРЫВ ДОВОЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Рис. Л. Генча

— Вы с ума сошли! Рыбу — ножом!!!

БАСНИ О ХОРОШЕМ ТОНЕ

(ОСОВРЕМЕНЕННЫЙ КРЫЛОВ)

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Пустынник Мишеньке сказал:

— Засну я на часок... Уж очень я устал.

Мой Мишка на часах, да он и не без дела:

Пустыннику на лоб нахально муха села. Медведь булыжник в лапы сгреб,

Но призадумался: «Пожалуй, треснет лоб,

И ни за что убью я человека!

Я знаю: тут

Поблизости находится аптека,

А в ней от мух бумагу продают!

Мой Мишенька прибавил шагу,

Купил он липкую бумагу,

Тихохонько ее на друга положил

И муху наглуго словил.

Так Мишка другу

Медвежью оказал услугу.

КУКУШКА И ПЕТУХ

— Ты, милый Петушок, поешь совсем неважно!

— А ты, Кукушечка, мой свет, Так гнешь нудно и протяжно,

Что слушать этот рев несносный силы нет!

— А ты, мой Петушок, поешь весьма паршиво

И, к сожалению, фальшиво!

От крика твоего меня бросает в дрожь!

— А ты, Кукушечка, лишь только петть начнешь,

Так жду я, не дождусь, чтоб кончила ты пенье.

Нельзя же так герзать терпенью.

И слух твой плох, и дикция плоха!

— А ты, Петух, пускаешь петуха!

Охрипли, бедные, весь день грызя друг дружку.

За что же, не боясь греха, Бранит Кукушка Петуха?

За то, что он бранит Кукушку.

М. ПУСТЫНИН

ВНЕЗАПНОЕ ОТКРЫТИЕ

Старому режиму нанесен сокрушительный удар. Он разоблачен, что называется, дотла и окончательно дискредитирован. И сделал это не кто иной, как неизвестный автор в газете «Голос пожарного» (однодневный выпуск газеты «Тагильский рабочий»).

Вот что он пишет о пожарных командах при царском строе:

Отсутствие какой бы то ни было культурно-массовой работы среди бойцов пожарной охраны... насыщение пожарных команд непроверенным, порою классово чуждым преступным элементом...

Спасибо «Голосу пожарного». Как это мы, действительно, проморгали, что господа полицмейстеры утверждали классово чуждый состав пожарных команд? И главное — никакой проверки! Что же это такое?

КООПКАРУСЕЛЬ

В Маловишерском районе стали ревизовать селькоопы.

Для начала — так сказать в порядке разгона — была обнаружена растрата около 5000 рублей.

Растратил заведующий лавки № 1 Корнильев. Ревизоры учли этот факт и решили, что если есть растраты в лавке № 1, то почему их не быть и в лавке № 2. Исходя из этого был выгнан заведующий лавкой № 2 Никифоров. Несколько позже ревизоры решили, что, пожалуй, все же лучше выгнать Корнильева. Выгнали. Надо его кем-нибудь заменить. Решили, что самый лучший заместитель — это Исаков, который растратил 4500 рублей. Заместили. Потом решили так: если Исаков растратил 4500 рублей, а Корнильев — 5000 рублей, то чем лучше Исаков Корнильева? И решили Исакова выгнать. Выгнали. Но надо же его кем-нибудь заместить? Надо. И тогда вместо Исакова поставили снова Корнильева.

Комментарии к таким фактам считаем излишними. Тем более, что наиболее остроумные строки по поводу этих фактов легче всего найти в Уголовном кодексе.

ОСЕННЕЕ

Приятно погулять осенью в городском саду и посмотреть, как лирически опадают желтые листья... Мсжет, где-нибудь еще робкая птичка затаилась в кустах и жечтает о шиджаке и валенках...

Но вот в г. Могочи (ДВК) для гуляющих приготовлены другие осенние ландшафты.

В городском саду на каждом шагу висят на деревьях плакаты: **Помни о хулиганстве! Статья 74, пункт второй.**

Ходят могочане по саду и ведут между собой тихие, проникновенные разговоры:

— Помнишь ли ты, любимая, о хулиганстве?

— Ну еще бы, родной, статья 74, пункт 2.

И ласково становится на душе, и хочется еще читать и читать неразбиваемые строки...

„ХОЧЬ НЕ ХОЧЬ“

Казахстанская газета «За пятилетку» (орган Сталинского райкома) в № 314 слегка коснулась в звучных стихах тяжелого прошлого и сделала это в такой несколько тяжеловатой форме:

О том, когда кулак кровосос
И жиром страдающий бай
Сосали с нас кровь как пожарный насос

И ты хочь и не хочь умирай.

Менее опасная, но все же довольно грозная перспектива предстоит и теперь редактору «За пятилетку» тов. В. Пожашеву: хочь не хочь, а придется уступить редакторское место более грамотному человеку.

ТОНКОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ

Деликатность в формулировке неприятных приказов — очень трудное дело. Но некоторые особо опытные люди ухищряются и здесь проявить глубочайший такт.

Вот, например, выписка из приказа директора совхоза «Красное»: Тов. Ширяева А. К. с сего числа снимаю с должности комеданта, оставив его на профсоюзной работе с окладом в 200 р. в месяц.

Основание: пьянство и прогулы.

Двести рублей за пьянство и прогулы — не очень, конечно, густо, но и немало. Но здесь интересно другое: если человека за пьянство и прогулы отправляют на профсоюзную работу, какую ему дадут общественную нагрузку за поджоги и буйство?

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ОВОЩИ

В Нерльском районе, Калининской области, «Союзплодоовощ» поместил в местной газете объявление о правилах сдачи капусты.

Финальное место правил звучит так:

Капуста, убранный по другому способу, считается недействительной.

Хорошо еще, что «Союзплодоовощ» не составляет ресторанных меню. Иначе бы мы познакомились и с таким документом:

«Щи из недействительной капусты, фаршированная аннулированная репа и кисель из утеранной клюквы».

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

РАСТРАТЧИК И САМОДУР

У начальника Дорожно-транспортного управления Республики немцев Поволжья Кораблева — широкая натура: он транжирил крупные государственные деньги направо и налево. Только на покупку мотоцикла Кораблев израсходовал около 6500 рублей, хотя не имел на это никаких ассигнований. Помимо зарплат по управлению Кораблев получил незаконно еще 700 рублей за руководство Дорснабом.

Когда отдельные работники Дортранса пытались в стенной газете выступить против этих безобразий, им угрожали исключением из партии, снятием с работы.

О зажиме самокритики в Дорожно-транспортном управлении Республики немцев Поволжья узнал Крокодил и сообщил об этом Энгельскому горькому партии.

Комиссия партийного контроля сняла Кораблева с работы и объявила ему выговор. Парторга управления Дагилева предупредили, что при повторении фактов зажима самокритики он будет привлечен к суровой партийной ответственности.

НАДО ПЛАТИТЬ ВОВРЕМЯ

Рабочим Читинского строительного треста по несколько месяцев не выдавали заработную плату. Некоторым работникам администрация задолжала по 2—3 тысячи рублей.

Прокуратура г. Читы расследовала материалы Крокодила и обнаружила полный развал в строительном тресте. Управляющий трестом Шпынов снят с работы и привлечен к партийной ответственности.

ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ

Сторож совхоза «Ташли» Давлетов задержал за поправу совхозных полей кулака Есенова. Есенов избил за это Давлетова. Дело поступило к народному судье Кушкинского района (Туркменская ССР) Аббасову, но тот маркировал это дело свыше четырех месяцев.

Гражданка Слестенова возбудила иск об алиментах к бывшему своему мужу Валаеву, но Аббасов и Валаев... друзья, и Аббасов под различными предлогами в течение двух лет не рассматривал искового заявления Слестеновой.

Крокодил сообщил об этом прокурору Туркменской республики. Аббасов привлечен к ответственности.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ ПЬЯНЧУГИ

Председатель Метелинского сельсовета, Дуванского района (Вашкирия), Петр Шербаков систематически пьянствовал. Работу в сельском совете он совершенно забросил, в результате чего сорвал проведение ряда важнейших политических кампаний. Было несколько случаев, когда пьяный Шербаков врывается в дома своих односельчан и избивал их.

По материалам Крокодила Шербаков снят с работы и отдан под суд.

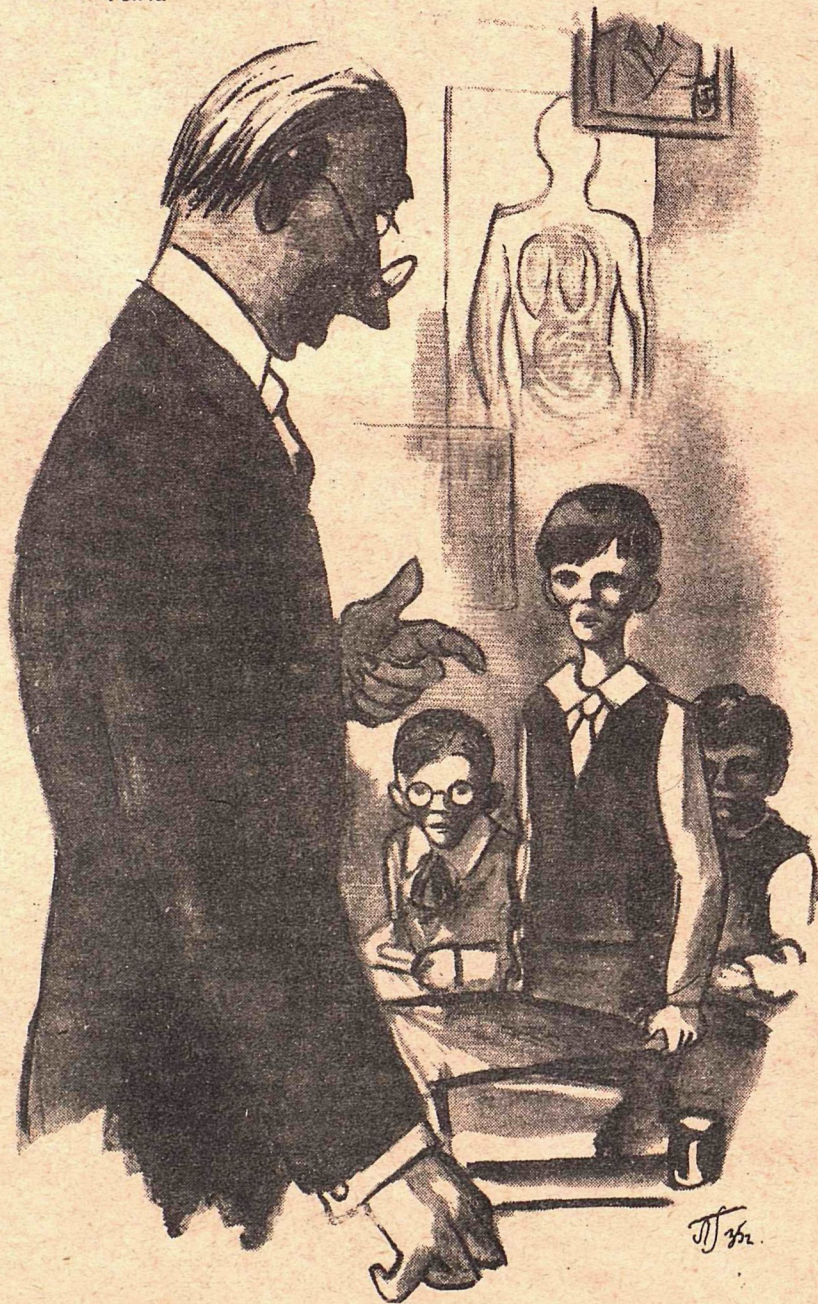
БАНКЕТ ПО СЛУЧАЮ... ТРОИЦЫ

В колхозе «Заветы Ильича», Западносибирского края, ознаменовали окончание посевной кампании и праздник Троицы банкетом. Председатель сельского совета Федосеев и председатель колхоза Монахов на радостях выпили даже формалину. Пришлось вылечивать их сливками с колхозного маслозавода, но когда их вылечили, они снова запили.

Горно-Шерский район партии расследовал эти факты, сообщенные Крокодилу. Председателю колхоза Монахову объявлен выговор, а председателю сельского совета — строгий выговор с предупреждением.

ЧАСТЬ ЗАБОТЫ ОТПАДАЕТ

Рис. Л. Генча

— Помните, дети, что каждый день перед едой надо мыть руки!

— В таком случае, герр учитель, нам придется мыть руки всего один раз в день.

С Л О Н И М О С Ъ К А

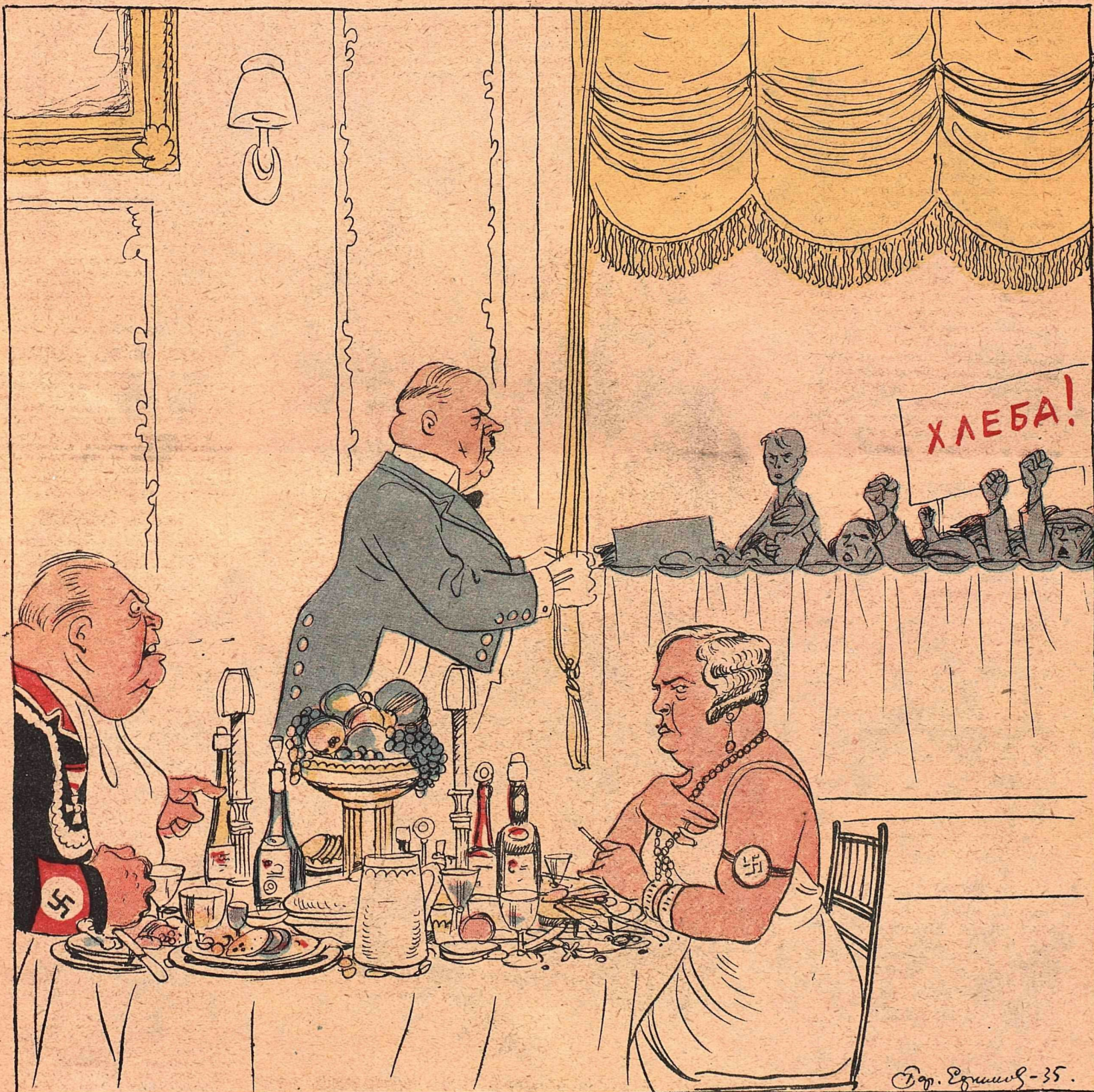
Однажды Моська встретила слона,
Но лаять на него боялась она:
«Пожалуй, пустят слух собаки,
Что я совсем без драки
Хочу попасть в большие забияки.
Нет! Вежлива я буду со слонем!»
Так рядом со слонем бежала Моська
злая,

Не лая.
А день спустя знакомый пес
Коварный задал ей вопрос:
— Ну, как ты встретила слона-то?
Вся, верно, на него твоя ушла слюна?
И пес услышал: — Виновата.
Я... не заметила слона.

М. ПУСТЫНИН

Б Е С Т А К Т Н Ы Е З Р И Т Е Л И

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 35.

— Фу, какой стыд! Опустите штору, Фриц! Наш народ совершенно не умеет держать себя во время обеда!..

СЫН НАРПИТОВЦА

Рис. Ю. Ганфа

— А что, Петечка, нужно сказать после обеда?
— Дайте жалобную книгу.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Раньше говорили: сапожник ходит без сапог. Теперь сапожники уже не ходят босиком. С нами же, работниками почты, дело обстоит несколько хуже. Послал я из Кизил-Кия (Киргизская АССР) письмо к родственникам в Анжерку (Западносибирский край). Езды от нас до Анжерки семь суток, а письмо мое шло 45 суток. А теперь кому не расскажешь, — все над тобой смеются: ты же, говорят, сам почтовик, чего же ты жалуешься? Может, ты не будешь смеяться надо мной и расскажешь читателям, как у самого почтовика письмо шло полтора месяца?

Д. ХОХРИКОВ

Кизил-Кий.

Дорогой Крокодил!

Вот я холостой человек. Вот я пошел в райунивермаг в селе Солдатском (Нижнечирковский район). Говорю «Дайте мне рубашку. Мужскую, с кокаким удобным воротником». Мне, конечно, продали, но говорят официально: «Вам еще причитаются дамские подвязки нежного цвета. Иначе вам рубашку не выдадут, так как подвязки — нагрузка». Бился, бился, так и пришлось купить рубашку с подвязками. Ну на что же это похоже?

Н. МОСПАН

Нижнечирковский район, УзССР.

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе о ценных премиях, выданных в порядке поощрения художественной самодеятельности. Место происшествия — поселок Писцово, клуб ткацкой фабрики. Премии: 1 коробка папирос на коллектив пожарных и одна коробка пудры на коллектив из девяти физкультурниц. Мы знаем, как заботливо относятся к художественной самодеятельности у вас, в Москве, и как у вас дело обходится без таких премий. Нельзя ли и нам помочь художественно вырасти без стимулирования нас папиросами и пудрой?

Н. ЗОТОВ

Рыбинск.

Товарищ Крокодил!

У нас, в Дорогомиловском студенческом городке, есть свой собственный радиоузел. И, конечно, как это полагается, у радиоузла есть своя собственная программа. А в ней центральное место — новости внутреннего характера. У кого, например, в комнате завелись

клопы, где потеряна метелка и так далее. Этот гвоздь программы передается преимущественно между девятью и одиннадцатью вечера, когда хочется послушать оперу, концерт или всеобщие новости. Представь себе нашу радость, товарищ Крокодил, когда, например, вместо второго акта «Евгения Онегина» мы долго и уныло выслушиваем, из какой комнаты в какую начинается передвижение клопов.

Будь добр, помоги нам.

И. ПАЛЕЕВ

Москва.

Дорогой Крокодил!

В рассуждении покушать, — как говорит чеховский персонаж, — попросил я на свердловском вокзале покормить

меня обедом. Подали мне меню, в котором значилось 84 блюда. «Все это есть?» — осторожно спросил я. «Суп есть и котлеты есть, — с мягкой чарующей улыбкой ответил официант, — а остальное ориентировочно поставлено, чтобы выбор шикарнее был». «А если я не хочу ни котлет ни супа?» «Тогда в город надо идти, — чисто педагогически пояснил официант, — а здесь вокзал, здесь пассажиры: им выбирать некогда, торопятся кушать».

Сообщаю это тебе, дорогой Крокодил, только для того, чтобы ознакомить работников пищевой промышленности с новым видом блюд, им еще не знакомых: ориентировочных.

П. КУСТОВ

Челябинск.

ВЕЖЛИВЫЙ КЛОП

Рис. А. Топикова

- Не беспокойтесь насчет клопов: они приезжих не кусают.
- Почему?
- Потому что все номера заняты постоянными жильцами.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. «Правды», 8, тел. Д 3-05-46; 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 1056.

Сдача текста и рисунков 13/XI—35 г.

Подп. к печ. 22/XI—35 г.

Статформат 72×108. 1/8 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—8994

Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8.

Зак. № 2486

Тир. 300.000

У единоличника—коллективно...

У колхозника—врозь.